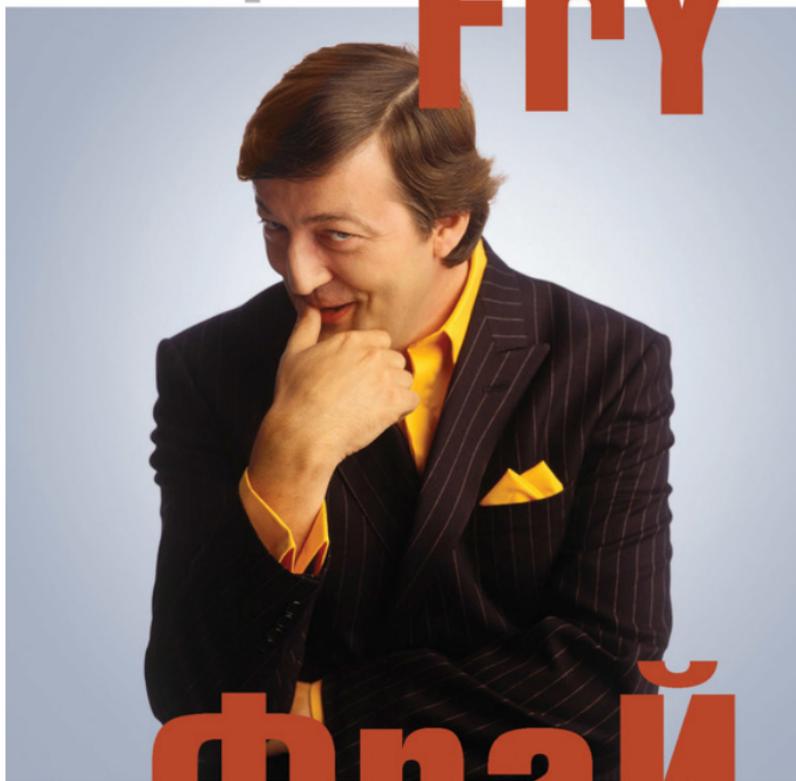

stephen **Fry**

Фрай
СТИВЕН

Лжец

Своеобразная энциклопедия свободолюбивых духом.

«Лжец» похож на те автомобили, которые «изнутри больше, чем снаружи»; просто удивительно, как много всего уместилось в такую небольшую книгу.

Стивен Фрай

Лжец

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118977
Стивен Фрай «Лжец»: Фантом Пресс; Москва; 2007
ISBN 978-5-86471-581-9

Аннотация

Если исходить из названия романа, то «Лжец» должен повествовать о лжеце, но если вспомнить о том, кто написал его, то все уже не так однозначно. Стивен Фрай, талантливый актер и писатель, как никто умеет мешать правду с вымыслом, подменяя одно другим.

Адриан Хили – неисправимый лгун и законченный циник. Это с одной стороны. А с другой, он – изощренный выдумщик и тонкий наблюдатель. Адриан лгал всегда. Сначала в частной элитной школе, где изводил надутых преподавателей – чтобы расцветить убогое школьное существование. Затем в Кембридже – дабы избежать экзаменационной рутины и завоевать место под солнцем. Адриан лжет так талантливо, что перед ним открываются воистину блестящие карьерные перспективы, вот только Адриан больше любит выдумывать, чем зарабатывать деньги. Но жизнь решает за него – благодаря своему таланту вруна Адриан оказывается в центре запутанной истории с кровавыми убийствами, шпионажем и бесконечной ложью...

Дебютный роман Стивена Фрая «Лжец» наверняка получил бы самое горячее одобрение Ивлины Во, Оскара Уайльда и Пелема Г. Вудхауза, будь они живы. Собственно, на них и равнялся знаменитый актер и шоумен, берясь за перо, и роман у него получился идеально английским – с ироническим прищуром, каскадом шуток, изящных каламбуров и крайне прихотливым сюжетом.

Содержание

Глава первая	12
I	12
II	38
III	48
Глава вторая	58
I	58
II	78
III	85
IV	88
V	90
Глава третья	113
I	113
II	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Стивен Фрай

Лжец

*Посвящается _____
(вставить полное имя).*

*Во всем последующем нет ни единого слова
правды*

Мужчина в футболке с надписью «Слава»¹ остановился у дома, в котором когда-то родился Моцарт. Он смотрел на дом, и глаза его сияли. Так он и стоял, неподвижно, задрвав голову и весь светясь обожанием, пока стайка Линялых Джинсов и Флуоресцентных Бермуд втекала, огибая его, в дом. Потом тряхнул головой, сунул руку в карман штанов и направился к дверям. Высокий тонкий голос, донесшийся сзади, заставил его остановиться на полпути.

– Вы когда-нибудь задумывались, Адриан, над феноменом ключей?

– Каких именно, дверных?

– Не дверных, Адриан, нет. Отнюдь не дверных. Водных. Подумайте о родниках, кладезях, о вечно бьющих источниках. Иерусалим, к примеру, – это источник религиозности. Один-единственный городишко в пустыне, и тем не менее – источник трех самых могучих религий мира. Столица иуда-

¹ Фильм-мюзикл Алана Паркера. – Здесь и далее примеч. перев.

изма, свидетель распятия Христа, город, откуда Магомет вознесся на небо. Такое впечатление, что религия бьет из его песков ключом.

Футболка «Слава» улыбнулся сам себе и вошел в здание.

Твидовая Куртка и Синяя Оксфордская Сорочка остановились перед крыльцом. Теперь настал их черед благоговейно созерцать людской поток, текущий мимо по Гетрейдегассе.

– Возьмите Зальцбург. Далеко не самый главный город Австрии, и тем не менее Иерусалим для каждого любителя музыки. Гайдн, Шуберт и... о да, потому-то мы и здесь... и Моцарт.

– Существует теория, что Землю пересекают особые линии, и там, где они сходятся, случаются странные вещи, – сказал Синяя Оксфордская Сорочка. – Лей-линии, – по-моему, так их называют.

– Вы можете счесть, будто я тяну одеяло на себя, – произнес Куртка, – но я бы сказал, что тут все дело в немецком языке.

– Войдем?

– Вне всяких сомнений.

Они вступили внутрь темноватого дома.

– Понимаете, – продолжал Куртка, – любые оттенки иронической абстракции, которые язык передать не способен, находят себе выражение в музыке.

– Никогда не считал Гайдна ироничным.

– Возможно, конечно, что теория моя безнадежно оши-

бочна. Заплатите этой хорошенькой фрейлейн, Адриан.

В комнате третьего этажа, там, где шалил маленький Вольфганг, в комнате, чьи стены он расписывал не по годам толковыми решениями арифметических задач, чьи стропила подрагивали от младенческих менуэтов, Футболка «Слава» разглядывал витринки с экспонатами.

Черепашковые и слоновой кости гребни, которыми расчесывались некогда взъерошенные локоны маленького гения, похоже, не пробудили в Футболке никакого интереса, равно как и письма, и списки отданного в стирку белья, и детских размеров альты и скрипки. Внимание его целиком и полностью поглотили макеты сценических декораций, висевшие в застекленных ящичках по всем стенам комнаты.

Один из ящичков, судя по всему, в особенности зачаровал его. Футболка взглядывался внутрь его напряженно и подозрительно, словно наполовину побаиваясь, что замершие в ящичке фигурки из папье-маше пробьют стекло, выскочат и двинут его по носу. Он как будто совсем забыл о Линялых Дэжинсах и Кислотных Шортах, которые толпились вокруг, смеясь и обмениваясь шутками на непонятном ему языке.

Сцена, столь его увлекшая, изображала банкетный зал, посреди которого располагался нагруженный яствами обеденный стол. У стола помещались два маленьких господина – один присел от страха, а другой стоял, упершись в бок рукой, в позе высокомерного презрения. Оба смотрели вверх, на модельку белой статуи, каковая указывала на них обвиня-

ющим перстом итальянского дорожного полицейского или вербовочного плаката военных времен.

Твидовая Куртка и Синяя Сорочка только что вошли в комнату.

– Начните с того конца, Адриан, встретимся посередке.

Куртка проследил, как Оксфордская Сорочка перемещается на другой конец комнаты, а затем подошел к ящичку, стекло которого оставалось еще запотевшим от пристального внимания Футболки «Слава».

– *Don Giovanni*, – сказал Твидовый, подойдя к Футболке, – *a cenar teco m'invitasi, e son venuto*. Дон Жуан, ты звал меня к обеду, я здесь.

Футболка по-прежнему не отрывал глаз от стекла.

– *Non si pasce di cibo mortale, chi si pasce di cibo celeste*, – прошептал он. – Кто обедает на небесах, не нуждается в пище смертных.

– Сколько я понимаю, у вас для меня кое-что есть, – сказал Твидовый.

– «Золотой олень», на имя Эмбури. Небольшой пакет.

– Эмбури? Мидлсекс, Англия? Вот уж не знал, что вас интересует крикет.

– Имя я взял из газеты. Показалось мне очень английским.

– Каковым оно и является. Всего хорошего. Твидовый отошел и присоединился к Синей Сорочке, уже погрузившемуся в беседу с французенкой.

– Я объяснял леди, – сказал Сорочка, – что, по моему мнению, эти декорации «Вошебной флейты» выполнены Дэвидом Хокни.²

– Определенно, – подтвердил Твидовый. – На мой взгляд, Хокни присущи два стиля. Неистовый и естественный либо холодный и бесстрастный. Помнится, я заметил однажды, что существуют две разновидности Хокни: Хокни на траве и Хокни на льду.

– Простите?

– Это шутка, – пояснил Синяя Сорочка.

– А.

Твидовый взглядывался в экспонаты.

– Вот это наверняка Царица Ночи.

– По-моему, она самый удивительный из персонажей, – сказала французенка. – А ее музыка... Господи, она просто божественна. Я и сама певица, и сыграть роль Царицы – моя заветнейшая мечта.

– Партия действительно почетная, – согласился Оксфордская Сорочка. – И, как я всегда полагал, очень сложная. Какую неммыслимо высокую ноту приходится брать исполнительнице? Верхнее до, не так ли?

Ответ, данный французенкой на этот вопрос, ошарашил не только Синюю Сорочку и его спутника, но и всех, кто присутствовал в комнате. Ибо французенка вперилась в

² Дэвид Хокни (р. 1937) – английский художник, фотограф и театральный декоратор.

Сорочку округлившимися от испуга глазами, открыла пошире рот и взяла пронзительным сопрано такую чистую и страстную ноту, какой ей ни разу уже не удалось повторить за всю ее дальнейшую выдающуюся оперную карьеру.

– Боже милостивый, – сказал Твидовый, – неужели и вправду так высоко? Сколько я помню...

– Дональд! – воскликнул Сорочка. – Взгляните!

Твидовая Куртка обернулся и увидел причину только что прозвучавшего вопля, равно как и других, технически менее совершенных криков, уже летевших отовсюду.

Посреди комнаты возвышался, дергаясь и подпрыгивая, точно марионетка, мужчина в футболке «Слава».

Впрочем, не вульгарность подобного перепляса в подобном месте взбудоражила всех, а вид и бульканье крови, бьющей из его горла пенной струей. Человек этот, подскакивая на месте и перебирая ногами, казалось, пытался, стискивая руками шею, остановить кровь, однако напор ее делал эту задачу неисполнимой.

В такие мгновения время останавливается.

Те, кто потом описывал эту сцену друзьям, психиатрам, священникам, журналистам, все как один говорили о звуке. Одним он представлялся хриплым урчанием, другим – булькающим карканьем; старик в твидовой куртке и его молодой спутник согласились впоследствии, что шипение, с которым бьет из кофеварки струя капучино, отныне всегда будет напоминать им этот страшный предсмертный сип.

Все запомнили ошеломляющее обилие крови и напор, с которым она прорывалась сквозь пальцы. Всем запомнился хор возвысившихся в ужасе басов, когда несколько человек, невзирая на красную морось, устремились на помощь дергающемуся на полу мужчине. Все запомнили, как ничто не смогло заградить путь ужасной струе, которая была фонтаном из горла несчастного, погружая на его футболке слова «Я буду жить вечно» в темное пятно. Все запомнили, как долго он умирал.

Но только один из присутствовавших там людей запомнил необычайно толстого человека с маленькой головой и жидкими волосами, который, покидая комнату, выпустил из ладони нож, скользящий на пол, точно живая рыбка.

Только один человек увидел толстяка, однако делиться увиденным ни с кем не стал. Он схватил своего спутника за руку и повлек его прочь.

— Пойдемте, Адриан. Думаю, нам лучше оказаться в другом месте.

Глава первая

I

Адриан проверил орхидею в своей петлице, обозрел гетры, подтянул лавандовые перчатки, разгладил жилет, сунул под мышку черную трость из ротанга, дважды сглотнул и широко распахнул дверь раздевалки.

– Ах, дорогие мои! – воскликнул он. – Поздравляю! Поздравляю вас всех! Триумф, абсолютный триумф!

– Ну а теперь он что за херню на себя напялил? – фыркнул кто-то в дальнем, мглистом конце помещения.

– Ты идиот и задница, Хили.

Беркисс набросил на сверкающий цилиндр Адриана кусок фланели. Адриан двумя пальцами снял ее.

– Беркисс, если существует самомалейшая возможность того, что эта фланель впитала какую ни на есть из выделяемых тобою секретий, что ею была стерта хоть капелька твоего гнусного лобкового сала, что она коснулась, лаская, хотя бы одного из замаранных уголков твоего омерзительного тела, тогда меня хватит судорога. Прости, но так и будет.

Картрайт невольно улыбнулся. Он проехался по скамье, отодвигаясь подальше, и все же он улыбнулся.

– Ну-с, девушки, – продолжал Хили, – вы непоседливы и

резвы, так тому и быть надлежит, однако распускаться я вам не позволю. Я заглянул к вам лишь для того, чтобы поаплодировать вашему совершенно изумительному выступлению и сказать, что кордебалет ваш – воистину лучший в городе, и я намерен угощать вас одну за другой обедом в посольстве в течение долгого и исполненного разнообразных свершений времени.

– Ты лучше скажи, что ты такое нацепил.

– Это называется «каракуль», и, я уверен, вы согласитесь, вещь это редчайшая. Вы несомненно заметите, что она льнет к моему роскошному телу так, точно ее для меня и создали... что относится также и к тебе, о усладительный Хопкинсон.

– Ой, заткнись.

Адриан увидел, что Картрайт отвернулся к своему шкафчику – шкафчику, от которого у Адриана имелся собственный ключ. Мальчик, судя по всему, с головой ушел в процесс натягивания носков. Адриану потребовалось полсекунды, чтобы сделать умственный снимок изящных ступней и божественных лодыжек, облакаемых счастливыми, счастливыми носками, – снимок, который он сможет потом проявить и исследовать, как и другие, уже наклеенные в потаенный альбом его памяти.

Картрайт никак не мог понять, отчего Хили временами бросает на него такие вот взгляды. Он чувствовал их, даже не видя, чувствовал, как эти холодные глаза оглядывают

его с жалостью и презрением к человеку, не обладающему столь острым языком, столь едким остроумием, какие присущи всесильному Хили. Но ведь есть же другие мальчики, еще и поглупее, чем он, почему же Хили именно с ним обращается не так, как с остальными? С изящной небрежностью утвердив одну из обтянутых гетрами ног на скамье, пересекающей раздевалку, Адриан поворошил тростью стопку трусов и регбийных шортов.

– Особенно мне понравилась, – сказал он, – та сцена в первом действии, когда вы и девушки из Марлборо выстроились в два ряда, а после вдруг как наброситесь на этот смешной кожаный мячик. Боже, как я смеялся, когда вы позволили кордебалету из Марлборо убежать с ним... ай-ай-ай, а вот это принадлежит кому-то, так и не научившемуся подтирать попу. Бирка с именем тут имеется? Мадисон, тебе, знаешь ли, следует уделять больше внимания личной гигиене. Для этого и требуется-то всего два листка туалетной бумаги. Один для подтирки, другой для подчистки. О, как вы бежали вприпрыжку, счастливые вы создания, за нападающими Марлборо. Но только мячика они вам не вернули, так? Все били им о землю, били, пока не перекинули через стойку ваших хорошеньких ворот.

– Это все судья, – сказал Гудерсон. – У него на нас зуб.

– Ну, как бы там ни было, милейший Гудерсон, с фактами спорить невозможно. Этот дивный дневной спектакль не оставил никаких сомнений – вам предстоит стать всеобщими

ми любимицами города. И могут найтись лишенные совести мужчины, которые станут навещать вас прямо здесь, в вашей гардеробной. Они будут осыпать вас цветами, комплиментами, флакончиками венгерской воды и бутылками самого дорогого шампанского. Опасайтесь таких мужчин, душечки мои, им нельзя доверять.

– А что, что они нам сделают?

– Они сорвут нежные цветы вашей невинности и растопчут их.

– Это больно?

– Не очень, если заблаговременно принять меры. Ты приходи нынче вечером ко мне в кабинет, и я подготовлю тебя к этому процессу с помощью успокоительной мази моего собственного изобретения. Только надень что-нибудь зеленое, тебе следует всегда ходить в зеленом, Джарвис.

– Ой, а можно я тоже приду? – спросил Ранделл, справедливо считавшийся общедоступной сахарницей своего пансиона.

– И я! – пискнул Харман.

– Милости прошу всех.

Роберт Беннетт-Джонс рывкнул из-под душа:

– А ну-ка, заткнитесь и одевайтесь, черт бы вас побрал!

– Ты тоже приглашен, Р. Б.-Д., я разве не дал это понять?

Беннетт-Джонс, волосатый и крепкий, вышел из душевой и, тяжело ступая, направился к Адриану.

Картрайт уронил в корзинку с предназначенной к стир-

ке одеждой свою регбийную фуфайку и покинул раздевалку, волоча за собою брезентовую сумку. Когда за ним захлопнулась дверь, он услышал резкий баритон Беннетт-Джонса:

– Ты омерзителен, Хили, тебе это известно?

Можно было бы задержаться, послушать великолепную отповедь Хили, да что толку? Говорят, когда Хили только появился здесь, у него были самые высокие отметки, какие новичок получал за всю историю школы. Однажды, в свой первый триместр, Картрайт набрался смелости и спросил Хили, почему он такой умный, как упражняет свой мозг. Хили рассмеялся:

– Память, дорогой мой Картрайт. Память есть мать всех муз... по крайности, так сказал этот, как же его...

– Кто?

– Ну, знаешь, э-э, как его там, – греческий поэт. Он еще «Теогонию» написал... да как же его звали-то? На «Г» начинается.

– Гомер?

– Ничуть, дорогой. Не Гомер, другой. Нет, не могу припомнить. Так или иначе, память – вот ключ ко всему.

Картрайт отправился в библиотеку пансиона и взялся за чтение «Энциклопедии Чеймберза». Пока что он добрался только до Бисмарка.

В раздевалке Беннетт-Джонс рычал в лицо Адриану:

– Просто-напросто омерзителен, мать твою.

Прочие присутствующие, некоторые из коих гордо высту-

пали по раздевалке, протирая зашейки свернутыми на манер горжеток полотенцами, в виноватом испуге замерли на месте.

– Ты долбаный пидор и всех в пансионе норовишь превратить в долбанных пидоров.

– Я педик? – произнес Адриан. – Но Оскара Уайльда тоже называли педиком, и Микеланджело называли педиком, и Чайковского...

– Так они педиками и были, – сказал Сарджент, еще один староста.

– Ну что же, да, это верно, – согласился Адриан. – Готов признать, подобному доводу мне противопоставить нечего. Впрочем, я говорю о другом – моя дверь всегда открыта для тебя, Р. Б.-Д., равно как и для тебя, Сарджент, что только естественно, и если кому-то из вас никак не удастся поладить со своей сексуальностью, без колебаний приходите ко мне и все расскажите.

– О господи боже...

– Мы вместе подробно обсудим ее. Лично я полагаю, что истоками вашей нездоровой фиксации является присущее вам обыкновение облачаться в шорты и носиться по полю, равно как и эксцентрическая, неотвязная потребность обнимать руками за плечи других участников схватки и просовывать головы между задами тех, кто находится впереди. По-моему, леди слишком много обещает.³

³ У. Шекспир. «Гамлет» (III, 2). Пер. Б. Пастернака.

– Давай вышвырнем его на хер отсюда, – предложил, делая шаг вперед, Сарджент.

– Должен всех предупредить, – сказал Адриан, – если кто-нибудь из вас прикоснется ко мне...

– Да? – насмешливо отозвался Беннетт-Джонс. – И что тогда будет?

– Я претерплю грандиозную эрекцию, вот что, и не вините меня за последствия. Она почти наверняка завершится той или иной разновидностью эякуляции, а если кто-то из вас забеременеет, я себе этого никогда не прощу.

Сказанного оказалось достаточно, чтобы все остальные приняли его сторону, а старосты под всеобщий смех ретировались.

– Ну что же, возлюбленные мои, теперь я вас должен покинуть. Я обещал составить сегодня вечером компанию принцессе Деспине. Полагаю, после ужина мы с ней перекинемся в баккара. Ей не терпится отыграть назад изумруды Курзенауэра. Джарвис, у тебя стоит, это до крайности неприятно, кто-нибудь, попрыскайте на него холодной водой. Добрночи, Лу. Добрночи, Мей. Добрночи. Пока. Доброй ночи вам, леди, доброй ночи, милые леди, доброй ночи, доброй ночи.⁴

Об английских частных школах можно сказать много хорошего. Мальчики подрастают, тут ничего не поделаешь, а

⁴ Не совсем точная цитата из «Бесплодной земли» Т. С. Элиота (пер. А. Степанова), который в свой черед цитирует последние слова Офелии в «Гамлете».

наука пока не отыскала способа им помешать, – так лучше уж сбить их в стадо, и пусть справляются с этой бедой частным порядком. Шесть сотен носителей кожных покровов, усеянных гнойными прыщами, шесть сотен источающих сало скальпов, двенадцать сотен подмышек, из которых прут наружу волосы, двенадцать сотен пораженных грибком внутренних бедер и шесть сотен голов, наполненных бредовыми помыслами о самоубийстве, – лучшее средство защиты от них – это школа.

А потому Адриана Хили, как и многих Хили до него, в семилетнем возрасте упрятали – ради блага общества – в подготовительную школу, из которой он, уже двенадцатилетний, перебрался в школу частную и ныне, в пятнадцать, стоял, сотрясаемый сумбуром возмужания, на пороге жизни. Любопытство в нем было особенно нечем. Разрушительное воздействие полового созревания сказалось, что было своего рода благословением, не столько на коже его, сколько на разуме. Время от времени на лбу Адриана выскакивал большой, увенчанный желтой головкой прыщ или другой высовывал голову черную из потного прибежища на ноздре, однако в общем и целом кожа Адриана оставалась достаточно чистой и не выдавала гормонального кризиса и хаоса мыслей, которые в нем бушевали, а глаза – большие и чувственные – позволяли даже счесть его привлекательным. Слишком умный, чтобы экзаменаторам удалось преградить ему путь в шестой класс, слишком неуважительный и бесчестный, чтобы стать

старостой, он прочитал и впитал намного больше, чем был способен понять, и потому вел жизнь, построенную на имитации и притворстве.

Его запоры, обложенный язык и дурно пахнущие ноги были не более чем привычными атрибутами школьной жизни, передаваемыми, подобно сленгу и садизму, от поколения к поколению. Адриан мог отступать от традиций, но был не настолько глух к правилам достойного тона, чтобы тяготеть к регулярности испражнений или чистоте ног. Доброта природы помешала ему открыть для себя радости издевательства над однокашниками, а трусость позволяла игнорировать склонность к таковому в других.

Великое достоинство английской частной школы составляет качество даваемого ею образования. Вот и Адриан получил изрядное, широкое английское образование в той области знаний, что относилась к его чреслам. Не следует ставить это в заслугу исключительно школьным учителям Адриана, хоть некоторые из них не боялись давать ученикам практические наставления, способные согреть сердце каждому, кто считает, что современный учитель слишком небрежен в своем подходе к Телу как целому. И все же, по большей части, Адриану предоставляли возможность искать собственные пути и получать уроки плоти самостоятельно. Ему посчастливилось довольно рано напасть на истину, коей многие его одинокие современники так никогда и не постигли, а именно: каждый, попросту каждый изнывает по «это-

му», и, при наличии должного терпения, каждому можно *показать*, что он по «этому» изнывает. И потому Адриан ухватился за то, что имелось у него под рукой, и зажил на славу генитальной жизнью – сосредоточившись, разумеется, исключительно на представителях собственного пола, ибо год стоял пока что 1973-й, и существование девушек только еще предстояло открыть.

Впрочем, любовная его жизнь была далеко не счастливой. Вот и сегодня, несколько раньше, он успел уже преклонить колена у своего алтаря, погрузившись в пучину страданий, на которые внешняя его повадка не содержала и намека.

Все произошло наверху, в Длинном дортуаре. Спальня была пуста, половицы поскрипывали под его ногами тише обычного. Альков Картрайта был занавешен. Далекие всплески свистков и приветственных криков на Верхних спортивных площадках и близкий удар захлопнутой этажом ниже двери встревожили Адриана. Уж больно они были знакомы; нечто фальшивое, гулкое присутствовало в них, театральное – и это его настораживало. Вся школа знала, что он здесь. Все знали, что он горазд в одиночку красться по своему пансиону. И все следили за ним, он в этом не сомневался. Дальние крики на полях хоккея и регби не были настоящими, то были магнитофонные записи, которые прокручивали, чтобы его обмануть. Он шел прямиком в западню. Да она и всегда была западней. Никто ему никогда не верил. Его и от спортивных занятий освободили только затем, чтобы

он думал, будто весь пансион в его распоряжении. Они все знали, знали всегда. Том, Хэрни, Хейдон-Бейли, даже Картрайт. Картрайт в особенности. Они следили и ждали. Знали и лишь дожидались заранее выбранного мгновения, чтобы разоблачить его и опозорить.

Ну и пусть следят, пусть знают. Вот она, постель Картрайта, и вот здесь, да, здесь, под подушкой, его пижама. Мягкая чесаная ткань, мягкая, как расчесанные волосы Картрайта, и запах, запах, до последней молекулы бывший Картрайтом. Тут имеется даже сияющий на воротнике золотистый волос, а вот, вот здесь, пониже, – благоухание новое, благоухание, аромат, струящийся из средоточия самой что ни на есть картрайтовости Картрайта.

Прочие люди существовали для Адриана лишь как статисты, исполнители эпизодических ролей в фильме его жизни. Никто, кроме него, не замечал великолепия и мучительности существования, никто не был вполне и по-настоящему живым. Лишь у него перехватывало дыхание при виде застрявших в паутине капель росы или прорывающихся к жизни весенних почек. Послеполуденный свет, пляшущий, точно чертик на ниточке, в струйке слюны, стекающей с коровой губы; лоскутик трущобных обоев на березовом стволе; каша из мокрых, раздавленных на тротуаре листьев, – все это разрасталось и расцветало лишь в нем одном. Только он знал, что такое любить.

Ааааааааах... если они и вправду следят, самое время раз-

дернуть занавесь и освистать его, самое время для презрительного рева.

Но нет, ничего. Ни воплей, ни издевок – ни единого звука, способного разорвать непомерную тишь дня.

Весь дрожа, Адриан встал и застегнулся. Все было иллюзией. Конечно, все было иллюзией. Никто за ним не следил, никто его не порицал, никто не показывал пальцем и не перешептывался. Да и кто они такие, в конце-то концов? Низколобые, красношеие ракалии-регбисты, в которых красоты и изящества столько же, сколько в их суспензориях. Вздохнув, он перешел в собственную кабинку и выложил на кровать каракулевый жилет и цилиндр.

Если не можешь слиться с ними, думал он, победи их.

В Хьюго Александра Тимоти Картрайта он влюбился с первого взгляда, когда этот мальчик в первый вечер второго школьного года Адриана медленно вплыл вместе с пятью другими новичками в сумрачный актовый зал.

Хейдон-Бейли подтолкнул Адриана локтем:

– Ну, что скажешь, Хили? Роскошь, а?

В кои-то веки Адриан промолчал. Случилось нечто ужасно неправильное.

Два мучительных триместра потребовалось ему, чтобы разобраться в симптомах. Он выискивал их по всем основным руководствам. Сомнений не было. Все до единого авторитеты твердили одно; Шекспир, Теннисон, Овидий, Китс,

Джорджетт Хейер, Мильтон – все держались единого мнения. Это была любовь. Большая Любовь.

Картрайт с его сапфировыми глазами и золотистыми волосами, с его губами и гладкими членами: он был Лаурой Петрарки, Люсидасом Мильтона, Лесбией Катулла, Халламом Теннисона, светлым мальчиком и смуглой леди Шекспира, лунным Эндимионом. Картрайт был гонораром Гарбо, Национальной галереей, он был целлофаном: ласковой ловушкой, пустой и нечестивой нежданностью всего происшедшего и яркой золотистой дымкой в лугах; он был сладким-сладким, медовым-медовым, живым, живым чириканием птенца, новорожденной любовью Адриана, – и голос горлицы несся над землей, и ангелы обедали в «Ритце», и соловей пел на Баркли-сквер.⁵

Два триместра назад Адриану удалось заманить Картрайта в уборную пансиона, где они провели занимательные полчаса, да Адриан, собственно, и не сомневался никогда, что сможет стянуть с Картрайта штаны, – дело было не в этом. Он хотел от Картрайта чего-то большего, чем несколько судорог удовольствия, которые могли предложить скудноватые потирания и облизывания, подбрасывания и сжатия.

Он не очень хорошо понимал, чего жаждет, но одно знал точно. Любить, алкать вечной привязанности – все это менее прилично, чем дергаться, сопеть и захлебываться где-нибудь

⁵ «И соловей пел на Баркли-сквер» – песня Эрика Машвица (1901–1969), английского сценариста и режиссера.

за кортами для игры в файвз. Любовь была постыдной тайной Адриана, секс – предметом его открытой гордости.

Он затворил за собой дверь раздевалки и обмахнулся лавандовыми перчатками. Все-таки пронесло. Еле-еле. Чем дальше он пойдет в стараниях понравиться, тем большим числом врагов обзаведется. А если он падет, Беннетт-Джонс и прочие тут же сбегутся, чтобы пинать его ногами. Одно можно сказать наверняка: Педерастическая Поза себя изжила, придется измыслить новую, иначе его ждут Неприятности.

Несколько мальцов столпилось у доски объявлений. При его приближении они замолчали. Адриан погладил одного по головке.

– Милые детки, – вздохнул он и, покопавшись в кармане жилета, вытащил горстку мелочи. – Сегодня вы сможете покушать.

Он уронил мелочь на пол и проследовал дальше.

«Спятил, – сказал он себе, подходя к своей комнате для занятий, именуемой также кабинетом. – Похоже, я спятил».

В кабинете сидел в йоговской позе Том, обкусывая ногти на пальцах ног и слушая «Акваланг».⁶ Адриан опустился в кресло, снял цилиндр.

– Том, – произнес он, – ты видишь перед собой растоптанную фиалку, высосанное яйцо, выдавленный тюбик.

– Дурака я вижу никчемного, – ответил Том. – Что это за

⁶ Концептуальный альбом английской арт-рок-группы «Джетро Талл» (1970).

жилетка?

– Ты прав, – сказал Адриан. – Сегодня я глуп. И каждый день. Разбит, разбит, разбит. Болит, болит, болит. Парит, претит, пердит. Все в моей жизни кончается если не на ид, то на ит. Ты понял?

– Что именно?

– Ид. Это из Фрейда. Да ты знаешь.

– А. Верно. Ну да. Ид.

– Идеалистический идиот, идиосинкразический идол. Зато *начинается* все точно на ид.

– Начинается у тебя все с себя самого, – сообщил Том, пристраивая лодыжку за ухо, – это эго, а не ид.

– Ну да, умничать-то легче всего. Ты не сможешь мне выбраться из жилета? Я начинаю потеть.

– Извини, – сказал Том, – меня заклинило.

– Ты серьезно?

– Нет.

Адриан не без труда избавился от своего одеяния и облачился в школьную форму, а Том тем временем расплетался в полулотос, рассказывая, как провел день.

– Сходил среди дня в город, купил пару дисков.

– Не говори каких, – сказал Адриан, – попробую догадаться... «Парсифаль» и «Взлет жаворонка»?⁷

⁷ «Парсифаль» – опера Р. Вагнера; «Взлет жаворонка» написал английский композитор Воэн Вильямс.

– «Атомное сердце матери» и «Соленый пес».⁸

– Почти угадал. Том закурил сигарету.

– Знаешь, что меня злит в этой школе?

– Кухня? Мучительно простенькая форма?

– Столкнулся я на Хай-стрит с Розенгардом, а тот и спрашивает – почему это я матч не смотрю.

– А ты бы спросил, почему он сам его не смотрит.

– Я сказал, что как раз туда и иду.

– Экий бунтарь.

– А зачем мне лишние неприятности на задницу искать?

– Ну, «как раз туда и иду» не такое уж и изящное прикрытие для задницы. Ты мог бы сказать, что матч слишком волнует тебя, что твоя нервная система просто не выдержит подобного напряжения.

– Ладно, а я не сказал. Вернулся сюда, подрочил немного и прикончил книгу.

– «Голый завтрак»?

– Ага.

– И что скажешь?

– Дерьмо.

– Ты говоришь так потому, что ничего не понял, – сказал Адриан.

– Я говорю так потому, что понял все, – ответил Том. – Ладно, пора заняться гренками. Я пригласил к нам Хэрни и

⁸ Альбомы рок-групп «Пинк Флойд» («Atom Heart Mother») и «Прокол Харум» («Salty Dog») соответственно.

Сэмпсона.

– Кого?

– Мы задолжали им чаепитие.

– Ты же знаешь, как я ненавижу интеллектуалов.

– Ты хочешь сказать, что ненавидишь всех, кто умнее тебя.

– Ну да. Наверное, потому, Том, я так тебя и люблю.

Том бросил на него страдальческий взгляд умученного запором человека.

– Я поставлю воду, – сказал он.

Картрайт поднял голову от «Энциклопедии Чеймберза» и продекларировал: «Отто фон Бисмарк родился в... 1815-м, в год Ватерлоо и Венского конгресса. Основатель современной Германии...»

Перед глазами его простирались сотни книг, только одну из которых – «Убить пересмешника» – Картрайт когда-то прочел вместе с прочими учениками пятого класса приготовительной школы. Такое множество книг, а ведь это всего лишь библиотека пансиона. В школьной их на тысячи и тысячи больше, а уж в университетских... Время поджимает, а память его так слаба. Как там говорил Хили? Память есть мать всех муз.

Картрайт вытянул с полки том «Мальтус – Нантакет» и отыскал муз. Их было девять, все – дочери Зевса и Мнемозины. Если Хили прав, «Мнемозина» должна означать «па-

мать».

Ну конечно! Ведь слово «мнемоническое» – что-то, напоминающее о чем-то. «Мнемоническое», должно быть, происходит от Мнемозины. Или наоборот. Картрайт сделал пометку в тетради для черновиков.

Согласно энциклопедии, большая часть известного нам о музах извлечена из сочинений Гесиода, в особенности из его «Теогонии». Видимо, на этого поэта Хили и ссылался, на Гесиода. Но откуда Хили-то *знает* все это? Никто никогда не видел его с книгой в руках – а если и видел, так не чаще, чем прочих. Картрайту его ни за что не догнать. Все это просто чертовски нечестно.

Он выписал имена муз и со вздохом вернулся к Бисмарку. Когда-нибудь он доберется до самого конца, до «zythum». Не то чтобы он в этом нуждался. Картрайт уже заглянул вперед и знал, что так называется род египетского пива, которое очень рекомендовал всем попробовать Диодор Сицилийский – кем бы он ни был.

Когда Адриан объявил, что намерен разделить кабинет с Томом, это вызвало у всех немалое удивление.

– С Томпсоном? – возопил Хейдон-Бейли. – Да он же дуб дубом, разве нет?

– Мне он нравится, – ответил Адриан, – он необычен.

– Непригляден, ты хочешь сказать. Совершенная дрявляшка.

Да, действительно, ничего особенно аппетитного во внешности и манерах Тома не наблюдалось – он оставался одним из немногих в школе мальчиков, с которыми Адриан не складывал зверя с двумя спинами,⁹ – вернее, не складывал зверя с одной спиной и небезынтересным устройством тела, – однако в течение последнего года многие пришли-таки к заключению, что в Томе присутствует нечто заслуживающее внимания. Он не был умен, но много работал и очень много читал – для того, полагал Адриан, чтобы приобрести нечто от его, Адриана, блеска и бойкости. Том всегда шел своим путем и руководствовался собственными идеями. Он ухитрился отрастить самые длинные в пансионе волосы и демонстрировал пристрастие к табаку с открытостью, никому больше в школе и не снившейся, но почему-то не привлекал к себе при этом никакого внимания. Создавалось впечатление, что он носит длинные волосы и курит сигареты потому, что ему это нравится, а не из желания покрасоваться. Черта опасная, подрывающая основы основ.

Фрида, младшая экономка немецких кровей, однажды застукала его загорающим голышом в рощице.

– Томпсон, – оскорбленно вскричала она, – не положено лежать здесь совсем голым!

– Вы правы, сестра, простите, – пробормотал Том, протянул руку и нацепил на нос зеркальные солнечные очки. – И о чем я только думал, не понимаю.

⁹ У. Шекспир. «Отелло» (I, 1).

Адриан считал, что это он привлек к Тому всеобщее внимание, сделал его популярным, что Том – его собственное, личное детище. Немногословный прыщавый олух-первоклашка обратился в человека, которым восхищались, которому подражали, и Адриан вовсе не был уверен, что так уж этому рад.

Нет, Том ему нравился, сомнений нет. Том был единственным, с кем он когда-либо разговаривал о своей любви к Картрайту, причем Тому хватало чувства приличия, чтобы не выказывать особой заинтересованности и сочувствия, не загашать святое и чистое пламя Адриановой страсти советами и участливостью. Вот без Сэмсона и Хэрни Адриан вполне мог обойтись. В особенности без Сэмсона, столь образцово воплощавшего тип зубрилы из классической школы, что он на такового даже не походил. Далеко не идеальная компания для чаепития.

Чай представлял собой особый институт, целиком, так сказать, вращавшийся вокруг ритуала преклонения перед Гренком. В месте, где спиртное, табак и наркотики пребывали под запретом, важно было подыскать для них какую-либо замену – мощный и общедоступный тотем возмужалости и выдержки. По причинам, давно уже затерявшимся во времени, на эту роль был избран Гренок. Имя его упоминали при всяком удобном случае, произнося такое с кошмарным выговором частной школы – «гринак».

– Только я принялся за греники, как заваливаются Бартон

и Хопвуд...

– Харман вообще-то малец неплохой. Отлично готовит гренки...

– Слушай, может, заглянешь ко мне в кабинет, гренков наготовим...

– Господи, и пошевелиться-то больно. Вконец перетру-дился с гренками...

Адриан как раз и рассчитывал мирно посидеть с Томом за гренками, поговорить о Картрайте.

– Ох, Иисусе Христе, – произнес он, расчищая на своем столе место для чайника. – О христианнейший Христос.

– Что, проблема?

– Я не узнаю покоя, пока он не поцелует меня, – простонал Адриан.

– Ты уверен?

– Уверен и могу сказать тебе, в чем еще я уверен. В том, что на нем сейчас голубой, с высоким воротом свитер из шетландской шерсти. И пока мы с тобой разговариваем, его тело движется внутри свитера. Теплое и живое. И это превышает все, что способен вынести человек из плоти и крови.

– Ну, тогда прими холодный душ, – сказал Том. Адриан пристукнул чашкой по столу и схватил Тома за плечо.

– Холодный душ? – воскликнул он. – Джизус-Крайст, друг, я говорю о любви! Знаешь, что она для меня значит? У меня все сжимается в животе, понимаешь, Том? Любовь разъедает меня изнутри, это верно. Но что она делает с моим

разумом? Она швыряет за борт мешки с песком, чтобы он вспарил, как воздушный шар. Я вдруг возношусь над обыденностью. Я обретаю наивысшие искусство и ловкость. Я иду по канату над Ниагарским водопадом. Я – один из великих. Я Микеланджело, ваяющий бороду Моисея. Я Ван Гог, пишущий чистый солнечный свет. Я Горовиц, играющий Императорский концерт.¹⁰ Я Джон Барримор,¹¹ еще не взятый за горло киношниками. Я Джесси Джеймс¹² и два его брата – все трое сразу. Я У. Шекспир. И вокруг меня уже нет никакой школы – это Нил, Том, Нил, – и барка Клеопатры скользит по водам.

– Неплохо, – сказал Том, – совсем неплохо. Сам придумал?

– Рэй Милланд в «Потерянном уик-энде». Он вполне мог говорить о Картрайте.

– Однако говорил о спиртном, – отметил Том, – что само по себе может сказать тебе о многом.

– А именно?

– А именно заткнись и намазывай масло.

– Я поставлю пластинку со «Смертью в любви»,¹³ вот что я сделаю, мерзкая ты скотина, – сказал Адриан, – и пусть мое сердце бьется в согласии со сладостными звуками. Однако

¹⁰ Пятый концерт для фортепиано с оркестром Л. ван Бетховена.

¹¹ Американский актер (1882–1942).

¹² Знаменитый грабитель с Дикого Запада (1847–1882).

¹³ Финал оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда».

поспешите, друг мой! – я слышу, что к дому подкатил экипаж. А вот, Ватсон, если только я не ошибаюсь, и наш клиент поднимается по лестнице. Войдите.

В двери появился помаргивающий за очками Сэмпсон, следовавший за ним Хэрни бросил Тому какую-то баночку.

– Привет, Том. Я принес немного лимонной помадки.

– Лимонной помадки! – вскричал Адриан. – А что я тебе сию минуту говорил, Том? «Ах, если бы у нас была лимонная помадка для наших гостей». Ты читаешь чужие мысли, Хэрни.

– А вон там гренки, – произнес Том.

– Спасибо, Томпсон, – сказал Сэмпсон, хватая гренок. – Гудерсон говорит, ты был не близок к тому, Хили, чтобы Р. Б.-Д. с Сарджентом помяли тебя в раздевалке.

– Мадам Молва вновь обскакала меня. «Не близок»? О господи...

Хэрни хлопнул Тома по спине.

– О, Томмо, – сказал он, – вижу, ты наконец раздобыл «Атомное сердце матери». Ну и как тебе? Забирает или не очень?

Пока Том с Хэрни судачили о «Пинк Флойд», Сэмпсон объяснял Адриану, почему он считает Малера на самом-то деле куда более необузданным, чем любая рок-группа, – в том смысле, что ему приходится обуздывать себя в гораздо большей мере.

– Интересная мысль, – сказал Адриан, – в том смысле, что

в ней нет ничего интересного.

Когда с чаем и гренками было покончено, Хэрни встал и откашлялся.

– Думаю, Сэм, теперь мне пора рассказать о моем плане.

– Определенно, – откликнулся Сэмпсон.

– Эй, там! – произнес Адриан, вставая, чтобы запереть дверь. – Грабеж, измена, хитрость.¹⁴

– Штука вот такая, – начал Хэрни. – Мой брат, не знаю, известно ли вам об этом, учится в Радли, ввиду того что родители сочли плохой идеей отдать нас обоих в одну школу.

– Ввиду того, что вы близнецы? – поинтересовался Адриан.

– Правильно, ввиду того, что мама налегала на средства для повышения плодовитости. В общем, он написал мне на прошлой неделе насчет неслыханно дикого скандала, который разразился там ввиду того, что кто-то наделал дел, издавая неофициальный журнал под названием «Потаскун», полный непристойных клевет и фантастических измышлений. Вот я и подумал, мы с Сэмми подумали, – почему бы и нет?

– Почему бы и нет что? – спросил Том.

– Почему бы не проделать то же самое здесь?

– Ты имеешь в виду подпольный журнал?

– Ну да.

Том открыл и закрыл рот. Сэмпсон самодовольно ухмылялся.

¹⁴ У. Шекспир. «Венецианский купец» (V, 1).

– Иисус изнуренный и мать-перемать, – сказал Адриан. – Вот это мысль.

– Согласись, отличная.

– А те ребята, – поинтересовался Том, – те, что выпускали журнал в Радли. Что с ними стало?

Сэмпсон принялся протирать кончиком галстука очки.

– А вот это как раз причина, по которой нам следует действовать с великой осторожностью. Их обоих... м-м... тоже «выпустили». «Выставили» – таков, сколько я понимаю, технический термин.

– Это значит, что все необходимо хранить в тайне, – сказал Хэрни. – Статьи пишем на каникулах. Вы печатаете их на восковке и посылаете мне. Я иду в отцовский офис, там есть «Гестетнер»,¹⁵ делаю копии, а в начале следующего триместра доставляю их сюда, и мы находим способ тайком распихать журнал по всем пансионам.

– Все это смахивает на «Колдиц»,¹⁶ нет? – сказал Том.

– Нет-нет! – воскликнул Адриан. – Не слушайте Томпсона, он циничная старая галоша. Я за, Херня. Безусловно за. Какого рода статья тебе нужна?

– Ну, сам понимаешь, – ответил Хэрни, – что-нибудь

¹⁵ Копировальные аппараты одноименной компании.

¹⁶ Расположенный на высокой скале замок в Саксонии. Во время Второй мировой войны немцы устроили в нем особо охраняемый лагерь, в котором содержались военнопленные из армий союзников, уже совершившие побеги из других лагерей. В конечном итоге больше ста их сбежало и из Колдица, хоть это и считалось совершенно невозможным.

подстрекательское, направленное против частной школы. В этом роде. Чтобы их всех пробрало.

– Я задумал подобие «фаблио», в котором наша школа сравнивается с фашистским государством, – сообщил Сэмпсон, – нечто среднее между «Скотным двором» и «Артуро Уи»...¹⁷

– Остановись, Сэмми, я распалюсь от одной только мысли, – сказал Адриан. Он взглянул на Тома: – Что думаешь?

– Ну а почему бы и нет? Похоже, повеселимся.

– И помните, – предупредил Хэрни, – *никому* ни слова.

– Наши уста запечатаны, – сказал Адриан.

«Уста». «Запечатаны». Опасные слова. Пяти минут не проходит, чтобы ему не вспомнился Картрайт.

Хэрни извлек из кармана жестянку из-под табака и оглядел комнату.

– А теперь, – произнес он, – если кто-нибудь опустит шторы и запалит благовонную палочку, могу предложить вам упоительные двадцать четыре карата смолки из собранной в Непале черной конопли, каковую смолку надлежит выкурить незамедлительно ввиду того, что мерзопакость эта и вправду качественная.

¹⁷ «Скотный двор» – роман Дж. Оруэлла; «Карьера Артуро Уи» – пьеса Б. Брехта.

II

Адриан мчал по коридору к классу Биффена. Его остановил один из школьных капелланов, доктор Меддлар.

– Запаздываем, Хили.

– Вот как, сэр? И вы тоже? Меддлар взял его за плечи.

– Вы несетесь во весь опор, Хили, не разбирая дороги. А впереди вас ожидают преграды, рытвины и страшное падение.

– Сэр.

– И когда вы рухнете, – сверкнув очками, сказал Меддлар, – я буду смеяться и кричать ура.

– В вас скрыта душа милосердного христианина, сэр.

– Слушайте меня! – рявкнул Меддлар. – Вы считаете себя очень умным, верно? Так позвольте сказать вам, что в этой школе таким, как вы, не место.

– Зачем вы говорите мне это, сэр?

– Затем, что если вы не научитесь жить рядом с другими людьми, не научитесь приспособливаться, ваша жизнь обратится в долгий, прискорбный ад.

– Что и наполнит вас удовлетворением, сэр? Безумно радуется?

Меддлар смерил его гневным взглядом и изобразил глухой смешок:

– Что дает вам право, мальчишка, говорить со мною по-

добным образом? Почему, ради всего святого, вы считаете, что имеете право на это?

Адриан с негодованием обнаружил, что на глаза его наворачиваются слезы.

– Бог дает мне это право, сэр, потому что Бог любит меня. И Бог не допустит, чтобы меня судил ф-ф-фашист – ханжа – ублюдок вроде вас!

Он вывернулся из лап Меддлара и полетел по коридору. «Ублюдок, – пытался выкрикнуть он, – долбаный проклятый ублюдок!» Однако слова застревали в горле.

Меддлар захохотал ему вслед:

– Вы порочны, Хили, порочны до мозга костей.

Адриан выскочил во двор. Все ученики школы сидели на утренних занятиях. В колоннаде было пусто: Старая классная, библиотека, дом директора, лужайка Основателя – обезлюдело все. Вот она, обитель Адриана, его пустой мир. Он представил себе, как вся школа, прижавшись носами к оконным стеклам, следит за ним, перебегающим Западный двор. Старосты пансионеров прохаживаются с переносными рациями по коридору.

– Говорит Синий-семь. Объект следует мимо библиотеки Кавендиша к Музыкальной школе. Отбой.

– Синий-семь, говорит Меддлар. Встреча прошла согласно плану, объект выведен из себя, весь в слезах. Красному-три продолжить наблюдение в Музыкальной школе. Отбой.

«Либо они – живые существа, а я плод воображения, либо я живое существо, а они – фантомы».

Адриан прочитал кучу книг и знал, что на самом-то деле ничем от других не отличается. И все же у кого еще змеи извиваются в животе, как у него? Кто бежит рядом с ним в таком же отчаянии? Кто еще будет помнить это мгновение и все мгновения, подобные этому, до конца своих дней? Никто. Они сидят за своими партами, помышляя о регби и ланче. Он не такой, как они, и потому одинок.

Первый этаж Музыкальной школы занимали маленькие классы для практических занятий. Адриан, бредя по коридору, слышал, как за дверьми упражняются ученики. Виолончель подпихивала по воде протестующего лебедя Сен-Санса. Следом труба выпукивала «Слава пребудет с Тобой». ¹⁸ А в третьем от конца классе Адриан увидел сквозь стеклянную дверь Картрайта, небезуспешно справлявшегося с бетховенским менюэтом.

Рок всегда ведет себя именно так. В школе было шестьсот учеников, и хотя Адриан выступил нынче в путь, чтобы перехватить Картрайта и подстроить якобы случайную встречу, – расписание его Адриан знал наизусть, – он все равно питал уверенность в том, что частота их случайных столкновений значительно превышает естественную.

Судя по всему, Картрайт был в классе один. Адриан толкнул дверь и вошел.

¹⁸ Тема из оратории Генделя «Иуда Маккавей».

– Привет, – произнес он, – не останавливайся, у тебя хорошо получается.

– По-моему, ужасно, – сказал Картрайт. – Никак не добьюсь беглости левой руки.

– Я слышал совсем другое, – ответил Адриан, и его тут же охватило желание откусить себе язык.

Вот он здесь, наедине с Картрайтом, чьи волосы даже сейчас взметает льющийся в окно солнечный свет, с Картрайтом, которого он любит всей душой и существом, и единственные слова, какие у него нашлись, это «я слышал совсем другое». Господи, да что же это с ним? С не меньшим успехом он мог гаркнуть голосом Эрика Моркэмби:¹⁹ «На это ответа не существует» – и потрепать Картрайта по щеке.

– М-м, у тебя официальный урок?

– Да нет, мне через полчаса сдавать экзамен за третий класс, вот и решил поупражняться. По крайней мере, избавился от двух уроков математики.

– Повезло.

«Повезло»? Ну чистый Оскар Уайльд.

– Что ж, тогда я, пожалуй, не стану тебе мешать.

Отлично, Адриан, блестяще. Мастерски сказано. «Тогда я, пожалуй, не стану тебе мешать». Измени один только слог, и вся эта изящная сентенция рухнет.

– Ладно, – сказал Картрайт и повернулся к инструменту.

– Ладно, будь здоров. Удачи! Адриан закрыл за собой

¹⁹ Английский телевизионный комик.

дверь. О Боже. О божественный Боже.

И он пустился в горестный обратный путь к школьным классам. Слава Всевышнему, его ожидал всего только Биффен.

– Вы нынче на удивление поздно, Хили.

– Ну, знаете, сэр, – сказал, усаживаясь, Адриан, – лучше на удивление поздно, чем на удивление никогда.

– А вы не желаете сообщить мне, что вас так задержало?

– Вообще-то, не очень, сэр.

Легкий шелест пронесся по классу. Это уж было слишком, даже для Хили.

– Прошу прощения?

– Ну, то есть, не перед всем классом, сэр. Тут много личного.

– О, понимаю. Понимаю, – сказал Биффен. – Что же, в таком случае правильнее будет, если вы объяснитесь со мной потом.

– Сэр.

Самое лучшее, это когда железы учительского любопытства начинают источать сок.

Адриан глянул в окно.

«Быть сегодня в Картрайте, в этот мартовский день».²⁰

Теперь уж в любую минуту какому-то экзаменатору выпадет счастье созерцать прелестную сосредоточенную скла-

²⁰ Искаженная цитата из стихотворения Р. Браунинга «В Англии весной»: «Быть сегодня в Англии – в этот день апреля!» (пер. С. Маршака).

дочку на лбу пробегающего по менюэту Картрайта. Смотреть, как взползает по его предплечью шерстяной рукав зимней куртки.

«Когда же в шерсть Картрайт себя облек, я мыслю, сколь прелестен, о мой Бог, его одежд неторопливый ток».²¹

Тут он услышал голос Биффена, стучащийся в двери его грез.

– Не могли бы вы привести нам пример, Хили?

– Э-э, пример, сэръ?

– Да, сослагательного наклонения, следующего за прилагательным в превосходной степени.

– Вы сказали, в превосходной?

– Да, да.

– М-м... как насчет «le garçon le plus beau que je connaisse»?

– Э-э... миловиднейший мальчик, какого я знаю? Да, это годится.

– Миловиднейший, сэръ? Я разумел – прекраснейший.

Черт, он же вроде решил распроститься с педерастической позой. Ладно, по крайней мере смешков добился.

– Благодарю вас, Хили, достаточно. Успокойтесь, вы все, он ни в каких ободрениях не нуждается.

Еще как нуждаюсь, подумал Адриан. Во всех ободрениях,

²¹ Искраженная цитата из стихотворения Роберта Геррика (1591–1674) «К нарядам Юлии»: «Когда же шелк тебя, о Юлия, облек, я мыслю, сколь прелестен, о мой Бог, ее одежд неторопливый ток».

какие найдутся.

Урок продолжался, Биффен предоставил Адриану свободу предаваться сну наяву.

Когда сорок минут истекли, Адриан среагировал на звук колокола со всей, на какую был способен, прытью, метнувшись из тыльной части класса к двери, чтобы затеряться за нею в толпе, однако Биффен перехватил его:

– Вы ничего не забыли, Хили?

– Сэр?

– Я думаю, вы обязаны мне объяснением вашей непунктуальности.

Адриан приблизился к кафедре.

– Ах да, сэр. Дело в том, сэр, что я и так-то должен был опоздать – совсем ненамного, однако столкнулся с доктором Меддларом.

– И он задержал вас на двадцать минут?

– Да, сэр. Или, вернее, нет, сэр. Он был очень груб со мной. Расстроил меня, сэр.

– Груб? Капеллан был с вами груб?

– Я уверен, это не входило в его намерения, сэр.

Адриан постарался соорудить физиономию непорочную, но при этом встревоженную. Такое выражение особенно хорошо срабатывало, когда приходилось смотреть, как сейчас, на кого-нибудь снизу вверх. Слизано же оно было по преимуществу с Доминика Гарда, игравшего Лео в фильме «Посредник». Этакое недоуменное чистосердечие.

– Он... он довел меня до слез, сэр, а мне было слишком стыдно являться сюда в соплях, вот я и сидел в музыкальном классе, пока немного не успокоился.

Все это было ужасно непорядочно по отношению к бедному старому Биффену, которого Адриан, пожалуй, даже любил за его белоснежные волосы и вечное выражение кроткого изумления на лице. Да еще и «в соплях»... Под парю к этому обороту так и просятся «не придира» и «просто потряска». Вообще-то не такой уж и плохой словарь, стоит взять его на вооружение. Школьный сленг 1920-х заслуживает возрождения.

– О боже. Впрочем, я уверен, у капеллана наверняка имелись серьезные причины, чтобы... то есть доктор Меддлар не был бы резок с вами без причины.

– Ну, должен признать, сэр, я ему надерзил. Но вы ведь знаете, каков он.

– Он, в чем я несколько не сомневаюсь, человек скрупулезно честный.

– Да, сэр. Я... мне не хотелось бы, чтобы вы думали, будто я лгу вам, сэр. Уверен, доктор Меддлар, если вы его спросите, расскажет вам о случившемся так, как оно видится ему.

– Этого я делать не стану. Я знаю, когда ученик говорит мне правду, а когда лжет.

– Спасибо, сэр.

Черта с два. И никто из них никогда не знает.

– Не хочется читать вам нотации, Хили, и не хочется за-

держивать вас во время утренней перемены, однако вы должны взглянуть правде в лицо: многие из моих коллег уже начинают терять терпение. Быть может, вам кажется, что они вас не понимают?

– Я думаю, вся беда в том, сэр, что они меня как раз понимают.

– Н-да. Вы и сами знаете, именно замечания подобного рода с гарантией выводят некоторых учителей из себя, не так ли? Утонченность не относится к числу качеств, которые подвергают людей в восхищение. И не только в школе. Ее не любит никто и нигде. Во всяком случае, в Англии.

– Сэр.

– Вы самый умный из мальчиков моего французского класса. И прекрасно это знаете. Но вы совсем не работаете. А это делает вас самым отстающим учеником школы.

Теперь воспоследует притча о дарованиях, на что поспорим?

– Что вы думаете об университете?

– О, ну... знаете, сэр, думаю, после выпускных экзаменов я, пожалуй, махну на образование рукой. И оно, скорее всего, махнет рукой на меня.

– Понятно. Скажите, Хили, чем вы занимаетесь по пятницам после полудня? Я так понимаю, в Кадетском корпусе вы не состоите?

– Меня оттуда выгнали, сэр. Такое безобразие.

– Да, не сомневаюсь. Стало быть, вы теперь в Авангарде,

не так ли?

– Да, сэр. Есть одна старушка, которую я навещаю.

– Ну так вот, – сказал Биффен, укладывая учебники в кейс, – на Морли-роуд имеется еще одна старушка – и старичок, – возможно, у вас найдется время, чтобы как-нибудь навестить и их. По пятницам мы с женой всегда устраиваем чаепитие, очень рады будем вас видеть.

– Спасибо, сэр.

– Предупреждать нас заблаговременно не нужно. Мы в любом случае будем готовы к вашему приходу. А теперь идите.

– Спасибо, мистер Биффен, большое вам спасибо.

Адриан инстинктивно протянул руку, которую Биффен со страшной силой пожал, глядя Адриану прямо в глаза.

– Вы же знаете, я не мистер Чипс.²² Я отлично понимаю, что вам меня жалко. Когда тебя жалеют коллеги, это уже достаточно плохо, но от вас я жалости не потерплю. Не потерплю.

– Нет, сэр, – сказал Адриан, – я не...

– Вот и хорошо.

²² Старейший школьный учитель, персонаж романа Джеймса Хилтона (1900–1954) «До свидания, мистер Чипс».

III

Том, Адриан и Свинка Троттер, компаньон не частый, но малоприветливый, прогуливались по школьному городку. Время от времени мимо них с устрашающей целеустремленностью людей, получающих удовольствие от Спорта, пробегали мальчишки в трико. Вокруг щебетала и перешептывалась, тархтя по штакетнику палками, малышня. Адриан решил, что стоит опробовать новый сленг.

– Знаете, ребята, чудная штука! Старина Биффо выкинул нынче утром номер. Сначала устроил мне таску за нерадивость, а после пригласил к чаю. Без булды! Взял да и пригласил.

– Наверное, он в тебя влюбился.

– Поганые твои слова, Томпсон. Лучше возьми их назад, не то по ушам получишь.

Они прошлись еще немного – Адриан практиковался в новых оборотах, а Свинка Троттер плелся сзади, встречая каждое слово раскатами такого хохота, что Адриану эта игра скоро прискучила.

– Кстати, – сказал он. – Расскажи мне о своих родителях, Том.

– А что ты хочешь знать?

– Ну, ты вообще ничего о них не говоришь.

– Да о них и говорить особенно нечего. Папаша работает

в «Бритиш Стил», мама того и гляди пролезет в мэры. Две сестры, обе с приветом, и брат, который появится здесь в следующем триместре.

– А у тебя, Хили? – поинтересовался Свинка Троттер. – Чем занимаются твои родители?

– Родитель, – ответил Адриан. – Мамы больше нет.

Троттера это потрясло.

– О господи, – сказал он. – Извини. Я не знал...

– Да нет, ничего. Автомобильная катастрофа. Когда мне было двенадцать.

– Как... как ужасно.

– Давайте пройдемся до Глэдис Уинкворт, там я вам все и расскажу.

Церковь городка стояла на холме, а на кладбище при ней – которое люди вроде Сэмпсона, обладатели сокрушительного остроумия, неизменно именовали «мертвой точкой города» – имелась деревянная скамья с вделанной в нее табличкой, на которой было написано: «Глэдис Уинкворт». И все. Предполагалось, что скамью воздвигнул спятивший вдовец, вознамерившийся увековечить подобным образом память покойной жены. Том считал, что жена эта прямо под скамьей и зарыта. Адриан же был уверен, что это просто-напросто собственное имя скамьи, и от веры своей не отступался.

С Глэдис было видно все: Верхние, Средние и Нижние спортивные площадки, театр, Старую классную, библиотеки, Капеллу, столовую и Школу искусств. Сидевший на ней че-

ловек ощущал себя генералом, озирающим поле битвы.

День стоял холодный, и, пока все трое поднимались к кладбищу, из ртов и ноздрей их вырывался парок.

– Увы, забыв про грозный рок, резвятся шалуны,²³ – произнес Адриан. – Живые и юные играют в прятки среди могильных камней хладных и мертвых.

Том с Адрианом присели, ожидая отставшего Свинку Троттера.

– История моей матери не очень приятна, – начал Адриан, когда Троттер плюхнулся рядом с ними, – но я расскажу ее вам, если вы пообещаете сохранить все в тайне. Она известна одному лишь Папаше Тикфорду. Отец рассказал ему все, когда я приехал сюда.

Затаивший дыхание Троттер кивнул.

– Я ни единой душе не скажу, Хили. Честно. Адриан взглянул на Тома, тот тоже серьезно кивнул.

– Ну что же, хорошо, – сказал Адриан. – Однажды вечером, лет около трех назад... на самом деле почти ровно три года назад... я сидел дома и смотрел телевизор. Помнится, показывали «Человека по имени Железный Бок». Отец у меня профессор биохимии, работает в Бристольском университете и часто задерживается допоздна. В тот вечер мама была на кухне, глушила водку прямо из чайной чашки. В десять она грохнула чашкой об пол и завопила так, что я услышал

²³ Из «Оды на далекий вид Итонского колледжа» английского поэта Томаса Грея (1716–1771).

ее в гостиной.

Троттер смущенно заерзал.

– Послушай, – сказал он. – Ты вовсе не обязан рассказывать нам об этом.

– Нет-нет, мне самому хочется. Она, как я уже сказал, пила с самого полудня и тут вдруг взвыла: «Десять часов! Десять долбанных часов! Почему его нет дома? Почему, во имя Господне, его нет дома?» Что-то в этом роде. Я заглянул на кухню, увидел ее опухшее лицо, залитые слезами и испятнанные тушью для ресниц щеки, дрожащие губы и, помню, подумал: «Она похожа на Шилли Уинтерс, но только бесталанную». Не знаю, почему мне пришла в голову именно эта мысль, но вот пришла. Я отвернулся к телику – не мог видеть ее такой – и сказал: «Он работает, мама. Ты же знаешь, он работает».

«Работает? – взвизгнула она, обдав мне лицо зловонным дыханием. – Работает! Вот это отлично! Вставляет этой *манде* лаборантке, вот что он делает. Сучара. Я ее видела... дурацкий белый халат и дурацкие белые зубы. Маленькая *сучья шлюшка!*»

И Том, и Троттер, не веря ушам, таращились на выкрикивавшего эти слова Адриана, однако глаза его были закрыты, казалось, он и забыл о присутствии друзей.

– Визжать она умела, моя мама. Я подумал, что вопль такой силы сорвет ей голос, на деле же надтреснуто прозвучал мой собственный. «Ты бы лучше легла в постель, мама», –

сказал я.

«В постель! Это он сейчас валяется в сучьей постели». Мама захихикала, потянулась к бутылке и выхлебала остатки водки, так что жгучая струйка потекла, смешиваясь со слезами, по складкам ее мясистого лица. Мама икнула и попыталась втиснуть бутылку в измельчитель отходов, было у нас такое устройство.

– «Гарбюратор», – сказал Свинка Троттер. – По-моему, они называются «Гарбюраторами».

– Да, верно, «Гарбюратор». Она попыталась втиснуть бутылку в «Гарбюратор». «Я собираюсь застукать обоих за их веселыми играми», – пропела она. Когда мама хмелела, то начинала вот так припевать, это был знак, что она набралась всерьез. «Вот что я думаю сделать. Где ключи?» «Мама, ты не сможешь вести машину! – сказал я. – Подожди, он скоро вернется. Вот увидишь». «Где ключи? Где сраные ключи от машины?» Что ж, я-то прекрасно знал, где они – на столе в вестибюле, – я побежал туда, схватил ключи и сунул их за щеку. Бог знает почему. Это ее здорово завело. «Подойди ко мне, мелкий гаденыш, и отдай ключи!» Я сказал: «Мама, ты не сможешь вести в таком состоянии, перестань, ладно?» И тогда... тогда она схватила стоявшую на столе вазу и запустила ею в меня. Ваза попала мне в голову, сбоку, разбилась, я полетел вниз по лестнице, а внизу споткнулся и упал. Видите шрам, вот здесь?

Адриан разделил волосы и показал Троттеру с Томом ма-

ленький белый шрам.

– Пять швов. В общем, лицо мое заливала кровь, а мама трясла меня и лупила по щекам, слева и справа, слева и справа. «Отдашь ты мне эти сраные ключи?» – визжала она, встряхивая меня на каждом слогe. Я лежал на полу, плакал, не скрою, просто подвывал: «Пожалуйста, мама, тебе нельзя выходить из дому, нельзя. Пожалуйста!»

Адриан примолк и огляделся по сторонам.

– Может, рискнем, выкурим по сигарете, вы как? Том раскурил сразу три.

– Продолжай! – сказал Свинка Троттер. – Что было потом?

– Ну, – сказал, глубоко затянувшись, Адриан, – чего мама не заметила, так это того, что от удара ключи вылетели из моего рта, точно тарелочка для стрельбы из метательной машины. Она думала, что ключи все еще у меня во рту, и потому начала с силой раздвигать мне челюсти, знаете, как ветеринар, собирающийся скормить собаке таблетку. «А, значит, маленький сучонок проглотил их, так?» – спросила она. И я закричал в ответ: «Да, проглотил! Проглотил, и ты их не получишь! Так что... так что просто забудь о них!» Но, точно пристрастившийся к героину подонок из хаммеровского²⁴ фильма ужасов, я невольно и сам искал их глазами, и, разу-

²⁴ Имеется в виду компания «Хаммер Филм Продакшнз Лтд.», снимавшая в 1950 – 1970-е годы фильмы ужасов, научно-фантастические и в жанре «фэнтези».

меется, мама, проследив направление моего взгляда, на четвереньках переползла вестибюль и сцапала ключи. И выско-
чила из дома. Я все кричал и кричал, призывая ее вернуться.
Потом услышал хруст гравия под покрывками, а потом
– опять-таки как в фильме ужасов – потерял сознание.

– Господи, – произнес Свинка Троттер.

– Она угробила семью из четырех человек, ну и себя, ко-
нечно, – сказал Адриан. – Отец, ни единого раза в жизни ей
не изменивший, и поныне еще не оправился от этой истории.
Она была сукой, моя мама. Самой что ни на есть сукой.

– Да-а, – сказал Том. – Штука-то в том, Ади, что я – может,
ты забыл, – но я в прошлом триместре познакомился с твоей
мамой. Рослая женщина с широкой улыбкой.

– Черт, – сказал Адриан. – Так ты с ней знаком. Ну ладно,
все равно попробовать стоило.

Он встал и забросил окурок за надгробный камень.

Троттер глядел на него во все глаза.

– Ты хочешь сказать, – выдавил он, – ты хочешь сказать,
что все это выдумал?

– Боюсь, что так, – ответил Адриан.

– Все?

– Нет, отец у меня профессор, это чистая правда.

– Ты поганый мешок дерьма, – произнес Троттер, на гла-
зах которого вскипали слезы. – Поганый мешок дерьма!

И он, давясь рыданиями, пошел прочь. Адриан с удивле-
нием смотрел ему вслед.

– Что это со Свинкой? Он должен был с первых же слов понять, что я вру.

– Да ничего, – ответил Том, обращая на Адриана большие карие глаза. – Просто его мать и два брата погибли три года назад в автомобильной катастрофе, вот и все.

– О нет! Нет! Ты шутишь?

– Ну, в общем-то, да.

Галстук МКК²⁵ сидел с Зеленовато-Голубым Костюмом «Сафари» за столиком у окна кафе «Базар». Вокруг сновали, позвякивая мелочью в карманах, Белые Рубашки При Черных Жилетах.

– *Herr Ober,*²⁶ – позвал Галстук МКК.

– *Mein Herr?*²⁷

– *Zwei Kaffee mit Schlag, bitte. Und Sachertorte. Zweimal.*²⁸

Официант отдал четкий австрийский поклон и удалился.

Зеленовато-Голубой Костюм «Сафари» промокнул лоб.

– *Передача не состоялась, – сообщил он.*

– *Ну что же, – откликнулся Галстук МКК. – Сейчас документы наверняка у Одиссея, и он готовится вывезти их*

²⁵ Марилебонский крикетный клуб, главный авторитет во всем, что касается крикета.

²⁶ Официант (нем.).

²⁷ Мой господин? (нем.)

²⁸ Два крепких кофе, пожалуйста. И пирожное. Два раза (нем.).

из Зальцбурга. Нужно проследить за ним и избавить его от бумаг.

– Если Троянцы решились убить Патрокла у всех на глазах...

– Тронуть Одиссея они не посмеют.

– Он, знаете ли, не один. С ним молодой англичанин.

Галстук МКК улыбнулся:

– Об этом я осведомлен. Как мы его обозначим?

– Телемах?

– Совершенно верно. Телемах. Напомните мне, чтобы я рассказал вам все о Телемахе.

– Вы его знаете?

– Близко. Думаю, нам предстоит обнаружить, что никакой необходимости калечить Одиссея либо Телемаха нет. Во всяком случае, пока мы имеем возможность завладеть «Мендаксом».

– Они отбывают завтра.

– Уже? И на какой колеснице поскачут?

– У Одиссея красный «вулзли».

– Типично для него. Весьма типично. Галстук МКК окинул Костюм «Сафари» взглядом, полным ласкового презрения.

– Полагаю, Гермес, коротковолновика у вас при себе не имеется?

– Хотите послать донесение?

– Не говорите глупостей. Мне нужно «Зарубежное вещание Би-би-си». Вест-Индия играет сегодня на «Олд-Графф-

форде» с Англией.

– Играет? Во что играет?

– В крикет, задница вы такая. В крикет.

Глава вторая

I

– Перифрастическое «*do*» было избыточным носителем времени, – говорил Адриан. – Семантически пустым, но тем не менее широко используемым. Всего существует три основные теории происхождения перифрастического «*do*». Первая: оно возникло вследствие влияния аналогично применяемого во французском «*faire*». Вторая: оно развилось из староанглийского каузативного «*do*». Третья: оно явилось результатом семантического развития полного фактитивного глагола «*do*». Рассмотрение всех этих теорий могло бы сказать нам многое об альтернативных подходах к диахронному синтаксису и генеративной грамматике.

Он взглянул на софу. Трефузис лежал навзничь: на груди – переполненная пепельница, на шее – маленькие наушники, на лице – сиреневого шелка носовой платок, сквозь который Трефузис ухитрялся курить. Если бы не подъемы и опускания пепельницы да не облака пронизывающего шелк дыма, Адриан мог бы счесть его мертвым. Хотелось надеяться, что это не так, – эссе, которое зачитывал Адриан, было хорошим эссе, потребовавшим от Адриана немалых усилий.

Друзья предупреждали его – не связывайся с филологией.

– Получишь Краддока, от которого никакого толка не будет, – говорили они. – Трефузис занимается только с аспирантами и двумя-тремя избранными студентами. Пиши, как все нормальные люди, по американской истории.

Однако Трефузис снизошел до встречи с ним.

– Раннее среднеанглийское перифрастическое «*do*» может появляться после модальных глаголов и после «*have*» плюс причастие прошедшего времени. По существу, это второстепенное немодальное средство, взаимоисключающее «*be*» плюс причастие прошедшего времени и несовместимое с пассивным форматом. Уже не позднее 1818-го некоторые грамматики писали, что оно являлось стандартной альтернативой простой формы, однако другие отрицали его использование где бы то ни было, кроме эмфатических, вопросительных и отрицательных предложений. К середине восемнадцатого столетия оно вышло из употребления.

Адриан поднял взгляд от стопки страниц. На фильтрующем табачный дым шелке обозначилось бурое пятно.

– М-м... ну вот...

Софа молчала. Вдали затеяли отбивать время все колокола Кембриджа сразу.

– Профессор Трефузис?

Из-под носового платка донесся вздох.

– Да.

Адриан вытер ладони о колени.

– Вам понравилось? – спросил он.

– Хорошо построено, хорошо проработано, хорошо обосновано, хорошо аргументировано...

– О. Спасибо.

– Оригинально, выразительно, продуманно, пронизательно, остро, проливает новый свет, убедительно, понятно, неотразимо, очаровательно прочитано...

– Э-э... хорошо.

– По моим представлениям, – продолжал Трефузис, – у вас ушел почти час на то, чтобы судить все это.

– Простите?

– Бросьте, бросьте, мистер Хили. Вы уже успели нанести оскорбление вашим же собственным умственным способностям.

– О.

– Вал Кристлин, «Neue Philologische Abteilung»,²⁹ июль 1973-го, «Происхождение и природа перифрастического глагола “do” в среднем и раннем современном английском». Я прав?

Адриан неуютно поерзал. Довольно трудно понять, что думает Трефузис, когда лица его не видно: накрытое носовым платком, оно оставалось нечитаемым, точно рецепт врача.

– Послушайте, мне страшно жаль, – начал Адриан. – Дело в том, что...

– Прошу вас, не извиняйтесь. Если бы вы потрудились со-

²⁹ «Новые направления в филологии» (нем.).

стряпать что-либо собственное, мне точно так же пришлось бы выслушивать ваше чтение, а, могу вас уверить, хорошая статья доставляет мне больше удовольствия, нежели посредственная. На это Адриану достойный ответ придумать не удалось.

– У вас отличный мозг. По-настоящему превосходный мозг, мистер Хили.

– Спасибо.

– Отличный мозг, но ничемный ум. У меня отличный мозг *и* отличный ум. Как и у Расселла. У Левиса хороший ум при практически полном отсутствии мозга. Хотелось бы мне знать, мы так и будем тянуть все это дальше?

– Что именно?

– Вот эту повторяющуюся раз в две недели демонстрацию краденого товара. Мне она представляется довольно бессмысленной. Я не нахожу позу беззаботной юности прелестной и привлекательной, как, полагаю, и вы не находите чарующей и чудаковатой позу изнуренной заботами старости. Возможно, мне следует позволить вам порезвиться еще год. Не сомневаюсь, что переходные экзамены вы сдадите очень хорошо. Честность, усердие и трудолюбие суть качества, совершенно излишние для человека, подобного вам, – вы это и сами наверняка усвоили.

– Нет, дело просто в том, что я был так... Трефузис стянул с лица носовой платок и взглянул на Адриана:

– Ну разумеется! Безумно заняты. Безумно.

Он извлек из пачки, лежавшей поверх книжной башни, возвышающейся рядом с софой, новую сигарету и постучал ею о ноготь большого пальца.

– Моя первая встреча с вами лишь подтвердила то, что я подозревал с самого начала. Вы мошенник, пройдох и шарлатан. Тип человека, который, на самом-то деле, мне симпатичнее любого другого.

– Почему вы уверены в том, что я именно таков?

– Я изучаю язык, мистер Хили. Вы пишете гладко и убедительно, говорите весомо и сдержанно. Сложная идея здесь, отвлеченное утверждение там, вы играете ими, жонглируете, сбиваете их с пути истинного. Тут нет движения от мысли к постижению, нет озарений, нет вопрошаний, нет возбуждения. Вы пытаетесь убедить других, но себя – никогда. Рисунок, структуру вы распознаете, однако перестраиваете их, вместо того чтобы анализировать. Короче говоря, вы не думаете. И никогда не думали. Вы ни разу не сказали мне чего-либо, представляющегося истинным лично вам, вы говорите лишь о том, что выглядит истинным и, возможно даже, способно таковым оказаться, – о том, что в данный момент соответствует характеру того человека, которого вы решили сегодня изображать. Вы жульничаете, ищете коротких путей и лжете. Изумительно!

– При всем моем уважении, профессор...

– Чушь! Вы меня не уважаете. Вы боитесь меня, я вас раздражаю, вы мне завидуете... все что угодно, но не уважаете.

Да и с чего бы? Я человек далеко не почтенный.

– Я собирался сказать другое – так ли уж сильно я отличаюсь от прочих людей? Разве не все думают так же, как я? Разве не каждый занимается тем, что просто перестраивает структуры? Ведь идеи, вне всяких сомнений, не создаются и не разрушаются.

– Да! – Трефузис восхищенно прихлопнул в ладоши. – Да, да, да! Но кто еще *знает*, что делает именно это и ничто иное? *Вы* знаете и всегда знали. Другие стараются, как только могут, и когда они говорят что-либо, то думают это. Вы – нет, и вы распространяете эту двойственность также и на ваши нравственные принципы. Вы употребляете идеи и людей и злоупотребляете ими, потому что не верите в их существование. Для вас это просто игрушки. Вы истинный Цербер, и вам это известно.

– Хорошо, – сказал Адриан, – и что со мной будет дальше?

– А, ну да. Я мог бы попросить вас не досаждать мне больше. Позволить вам жить вашей скучненькой жизнью, пока я буду жить своей. Я мог бы также написать записку вашему тьютору. И он выставил бы вас из университета. И то и другое лишит меня дохода, сколь бы пустячным он ни был, который я получаю благодаря тому, что руковожу вами. Что делать? Что делать? Налейте себе стакан мадеры, там, на пристенном столике, должна быть бутылка «Серсиал» или «Буал». Гм! Все это так сложно.

Адриан встал и осторожно двинулся через комнату.

Жилище Трефузиса можно было описать одним словом.

Книги, книги и книги. А за ними, как раз когда созерцатель мог соблазниться мыслью, что увидел их все, – снова книги. Ходить здесь удавалось лишь по тропам, проложенным между штабелями книг. Человек, продвигавшийся среди доходящих ему до пояса книжных стопок, ощущал себя попавшим в лабиринт. Сам Трефузис называл эту комнату «либраринтом». Места, где можно было присесть, походили на лагуны в коралловых рифах книг.

Адриан всегда полагал, что человек, научившийся говорить на двадцати трех языках и читать на сорока, скорее всего и должен был бы скопить в процессе обучения некоторое количество полезных ему книг. Трефузис же относился к книгам крайне неодобрительно.

– Пустая трата деревьев, – сказал он однажды. – Дурацкие, некрасивые, неуклюжие, тяжелые штуковины. Чем скорее техника отыщет им надежную замену, тем лучше.

Еще в начале триместра он, рассердившись на какое-то глупое замечание Адриана, запустил ему в голову книгой. Адриан поймал ее на лету и был потрясен, увидев у себя в руке первое издание «Цветов зла».

– Книги – это не святые реликвии, – сказал в тот раз Трефузис. – Слова могут быть моей религией, но, когда дело доходит до богослужения, я предпочитаю церковь самую низкую. Храмы и кумиры мне не интересны. Суеверное идолопоклонство, присущее буржуазной одержимости книгами,

досаждают мне до чрезвычайности. Подумайте, сколько детей забросило чтение лишь потому, что какой-то ханжа выбранил их за слишком небрежно перевернутую страницу. Мир полон людей, любящих повторять, что к книгам «следует относиться с уважением». Но говорил ли нам кто-нибудь, что с уважением следует относиться к *словам*? Нас с ранних лет учат почитать лишь внешнее и видимое. Совершенно жуткие литературные типы бормочут нечто бессвязное о книгах как об «объектах». Да, это первое издание. Еще и подарок Ноэля Аннана. Но уверяю вас, грязная, желтая *livre de poche*³⁰ принесла бы мне пользу не меньшую. Разумеется, я признаю щедрость Ноэля. Однако книга – это всего лишь продукт технологии. Если людям нравится собирать их и платить за ту или иную немалые деньги – тем лучше. Пусть они только не притворяются, что это призвание более высокое и разумное, чем коллекционирование табакерок или картинок из упаковок жевательной резинки. Я могу читать книгу, могу использовать ее в качестве пепельницы, пресс-папье, дверного стопора или даже орудия, которое можно метнуть в глупого юнца, отпустившего бессмысленное замечание. Ну-ка, подумайте еще.

И Адриан подумал еще.

Теперь он отыскал обратную дорогу к маленькой рощице, посреди которой возлежал на софе Трефузис, пускавший в потолок колечки дыма.

³⁰ Книга карманного формата (*фр.*).

– За ваше доброе здоровье, – сказал, отхлебывая мадеру, Адриан.

Трефузис одарил Адриана широкой улыбкой.

– Не нахальничайте, – сказал он, – в вашем положении это неуместно.

– Не буду, профессор.

Последовало молчание, к которому Адриан с удовольствием присоединился.

Ему уже не однажды случалось стоять в том или ином кабинете, водя ступней по узору ковра, пока рассерженные люди описывали его недостатки и определяли дальнейшую участь. Однако Трефузис вовсе не был рассержен. На самом деле он скорее веселился. Не приходилось сомневаться, что ему в высшей степени наплевать, жив Адриан или уже помер.

– Будучи вашим старшим тьютором, я обязан стоять на страже вашей нравственности, – наконец произнес Трефузис. – Попечитель же нравственности неизменно жаждет иметь безнравственного подопечного, и Господь посылает ему такового. Я заключу с вами сделку, вот как я поступлю. Я не стану до конца года тревожить ваш покой, но при одном условии. Я хочу, чтобы вы взялись за работу и произвели на свет нечто такое, что меня удивит. Вы говорите, что создать идею нельзя. Быть может, однако, ее можно открыть. Я питаю необъяснимый страх перед клише – вот! фраза «я питаю необъяснимый страх» как раз из тех отвратительных выражений, что сводят меня с ума, – и думаю, ваш долг пе-

ред самим собой, если уж пасть до оборота еще более тошнотворного, состоит в том, чтобы, энергично принявшись за дело, выковать в темной кузнице вашего превосходного мозга нечто совершенно новое. Сам я уже много лет как ничего оригинального не создавал, большинство моих коллег с самых пеленок ни разу не задумывались о том, чтобы совершить хотя бы краткую, не говорю уж отличающуюся новизной, прогулку по извивам своих умов. Но если вы представите мне работу, в которой будет присутствовать хотя бы семя новизны, призрак отблеска искры зачатка эмбриона намека на йоту тени частицы чего-нибудь любопытного, я сочту, что вы вознаградили меня за необходимость слушать, как вы отрыгиваете чужие идеи, а в придачу к этому вы и себе окажете неплохую услугу. Договорились?

– Я не вполне вас понял.

– Все очень просто! Любая тема, любой период. Вы можете принести мне трехтомное исследование или одну-единственную фразу, записанную на клочке бумаги. Питаю надежду еще увидеть вас до конца триместра. Это все.

Трефузис приладил на голову наушники и полез под софу за кассетой.

– Хорошо, – сказал Адриан. – Э-э...

Но Трефузис уже вернул носовой платок на лицо и погрузился в звуки Элвиса Костелло.

Адриан поставил пустой стакан и показал распростертой фигуре язык. Рука Трефузиса поднялась в американском

приветственном жесте – палец, выставленный из стиснутого кулака.

Ну ладно, думал Адриан, шагая по Двору Боярышника к домику привратника. Оригинальная идея. Не так уж и сложно. В библиотеке этих идей наверняка хоть пруд пруди.

Войдя в домик, он заглянул в свой почтовый ящик. Самым большим предметом там оказался упаковочный пакет с приклеенной к нему надписанной от руки биркой: «Гренки – почтой». Адриан вскрыл его, и наружу выпали: пакетик джема, два отсыревших гренка и записка. Он улыбнулся: лестный знак внимания со стороны Ханта-Наперстка, память о днях, проведенных год назад в Чартхэм-Парке. Тогда он полагал, что жизнь в Кембридже будет совсем простой.

Записка была написана староанглийским готическим шрифтом, Хант-Наперсток потратил на нее не один, должно быть, час.

«И взял он хлеб и, возблагодарив, поджарил его и дал его мистеру Хили, сказав: примите, ядите, сие есть тело мое, которое отдано вам: сие ядите в мое воспоминание. И так же после вечери взял он пакетик Джема и, возблагодарив, отдал им, говоря: сие пожрите, ибо сие есть Джем Нового Завета, который размазывается для вас: сие творите, когда только будете есть его, в мое воспоминание. *Аминь*».³¹

Адриан улыбнулся еще раз. Сколько сейчас Хан-ту? Лет, наверное, двенадцать или тринадцать.

³¹ Парафраз новозаветного Первого послания к коринфянам (11: 24–25).

Имелось также письмо от дяди Дэвида.

«Надеюсь, жизнью ты доволен. Каковы в этом году успехи колледжа в смысле “Кубка”? Есть шансы пробиться в первую лигу? Прилагаю к письму кое-что. Я-то знаю, как могут расти счета из столовой...»

Счета из *столовой*? Старикан, похоже, впадает в маразм. Впрочем, неожиданные три сотни фунтов вещь полезная.

«В следующий уик-энд я буду в Кембридже, остановлюсь в “Беседке”. Зайди ко мне в субботу вечером, в восемь. У меня есть для тебя одно предложение. С любовью, дядя Дэвид».

Кроме этого в почтовом ящике было полным-полно проспектов и листовок.

«На Лужайке стипендиатов Сент-Джонз-колледжа состоится чаепитие в знак протеста против американской поддержки режима в Сальвадоре».

«“Лицедеи” представляют “Ченчи” Арто в новом переводе Бриджит Арден. Кровосмешение! Насилие! Драма нашего времени в театре “Тринити Лекче”».

«Сэр Ян Гилмор расскажет в кембриджской Группе реформаторов-тори о своей книге “Правые изнутри”. Крайст-колледж. Вход свободный».

«Доктор Андерсон читает в Обществе Геррика лекцию на тему “Этика панков как радикальная личина”. Вход для не членов 1,50 фунта».

Благоразумно отправив эти и иные листки в мусорную

корзину, Адриан остался при чеке дяди Дэвида, гренках и счетах из книжного магазина «Хефферз» и от «Баркликард»,³² каковые он вскрыл по дороге к своему жилищу.

Он с изумлением обнаружил, что задолжал в «Хефферз» 112 фунтов и еще 206 в «Баркликард». За вычетом одного-двух романов, все книги, перечисленные в счете «Хефферз», были посвящены истории искусств. Одна лишь монография о Мазаччо, изданная «Темз и Хадсон», стоила 40 фунтов.

Адриан нахмурился. Названия книг казались ему знакомыми, однако он точно знал, что не покупал их.

Ускорив шаг, он перешел Мост Сонетов и, едва войдя в Президентский дворик, налетел на растрепанного старого дона в мантии. Старикан, в котором он узнал математика Адриана Уильямса, с криком «Упс!» повалился на землю, разбросав по траве бумаги и книги.

– Доктор Уильямс! – Адриан помог старику подняться. – Извините...

– О, привет, Адриан, – сказал Уильямс, беря его за руку и легко вскакивая на ноги. – Боюсь, мы оба не смотрели куда идем. Мы, Адрианы, печально известны своей рассеянностью, не так ли?

Оба заскакали по лужайке, подбирая бумаги.

– Знаете, – сказал Уильямс, – я вчера попробовал один из этих супов, что продаются в пакетиках. «Кнорр», так он зо-

³² Кредитные карточки, выпускаемые банком «Барклиз банк».

вется, К-Н-О-Р-Р, название, по правде сказать, очень странное, но, господи, до чего же он вкусный. Куриная лапшичка. Никогда не пробовали?

– Э-э, не думаю, – ответил Адриан, подбирая последнюю из книг и протягивая ее Уильямсу.

– Так попробуйте, обязательно попробуйте! Чудо что такое! Берете пакетик, не больший чем... погодите-ка, дайте подумать... чего же он не больше?

– Книжки в бумажной обложке? – переминаясь с ноги на ногу, подсказал Адриан.

Попавшись Уильямсу в лапы, вырваться было очень непросто.

– Ну, не совсем книжки, этот будет поквadratнее. Я бы сказал, не больше пластинки-сингла. Конечно, по площади он, вероятно, таков же, как книжка, но форма, понимаете ли, другая.

– Замечательно, – сказал Адриан. – Знаете, я должен...

– А внутри горстка самого невзрачного, какой только можно представить, порошка. Высушенные составляющие супчика. Кусочки курицы и маленькая такая, жесткая вермишелька. Весьма необычно.

– Надо будет попробовать, – сказал Адриан. – Ну, как бы там ни было...

– Высыпаете все это в кастрюльку, добавляете две пинты воды и греете.

– Да, хорошо, пожалуй, я прямо сейчас сбегая в «Рэт

Мэн» и куплю себе такой пакетик, – сказал Адриан и тронулся вспять.

– Нет, в «Рэт Мэн» его не продают! – сообщил Уильямс. – Я нынче утром перемолвился насчет этого супа с хозяином, так тот сказал, что к следующей неделе раздобудет его. На испытательный срок – посмотрит, возникнет ли спрос. А вот в «Сейнзбериз», на Сидни-стрит, его навалом.

Адриан почти уже добрался до угла дворика.

– «Сейнзбериз»? – переспросил он и взглянул на часы. – Хорошо. Как раз успею.

– Меня осенила счастливая мысль добавить туда яйцо, – кричал ему вслед Уильямс. – Сварил его прямо в супчике. Получилось немного похоже на итальянскую «страчиателлу». Пальчики оближешь. Да, вы увидите, что в «Сейнзбериз» выставлен на той же полке овощной суп, и тоже Кнорра. Отличить один пакетик от другого очень трудно, но вы уж постарайтесь раздобыть куриную лапшичку...

Адриан свернул за угол и припустил к своей квартире. До него еще доносился голос Уильямса, радостно увещевавший его не кипятить суп, потому что это наверняка испортит вкус.

Возможно, вот это и имел в виду Трефузис, говоря, что другие столько не врут. Уильямс нес околесицу по поводу дурацкого супа не для того, чтобы добиться уважения или обожания со стороны другого человека, он искренне желал поделиться своим неподдельным энтузиазмом. Адриан со-

знавал, что никто и никогда не сможет предъявить ему обвинение в подобной неотфильтрованной открытости, но будь он проклят, если позволит осуждать себя за это.

Когда Адриан вошел в квартиру, Гэри слушал «Величайшие хиты» «Аббы» и перелистывал книгу о Миров.

– Привет, дорогой, – сказал он. – А я только что воду вскипятил.

Адриан подошел к проигрывателю, снял пластинку и запустил ее, точно тарелочку фрисби, в открытое окно. Гэри смотрел, как она порхает над двором.

– Что это с тобой сегодня?

Адриан извлек из кармана счета от «Хефферз» и «Баркликард» и расправил их прямо на книге Гэри.

– Известно ли тебе, что воровство, приобретение товаров путем обмана и подделок является серьезным преступлением? – поинтересовался он.

– Я тебе все отдам.

Адриан подошел к своему письменному столу, выдвинул ящик. Ни дисконтной карточки «Хефферз», ни его «Визы» в ящике не наблюдалось.

– Слушай, мог бы по крайней мере поставить меня в известность.

– Да мне такая вульгарность и в голову не пришла бы.

– Что ж, я тоже не хочу быть вульгарным, однако теперь ты должен мне в общей сложности... – Адриан полистал записную книжку, – шестьсот восемьдесят фунтов шестьдесят

три пенса.

– Я же сказал, что отдам, разве нет?

– Я вот все гадаю – когда.

– Подождешь, не обеднеешь. Радовался бы лучше, что оказал услугу представителю рабочего класса.

– А тебе следовало бы гордиться тем, что ты позволяешь мне... о боже!

Из квартиры по другую сторону двора понеслись звуки «Аббы», распевавших «Танцующую королеву». Адриан захлопнул окно.

– Вот будешь теперь знать, как выбрасывать вещи в окно, – сказал Гэри.

– Я буду теперь знать, как *не* выбрасывать вещи в окно.

– Слушай, давай я тебе портретами заплачу.

Адриан оглядел комнату. Стены были покрыты десятками изображавших его персону портретов. Масло, акварели, гуашь, гризали, рисунки пером, мелком, серебряным карандашом, углем, пастелью, распылителями акриловых красок, цветными карандашами и даже шариковой ручкой, – здесь были представлены все стили, от неопластицизма до прото-реализма.

Выбора относительно того, с кем он станет делить квартиру, никто Адриану не предоставлял. Во время жеребьевки билетики с его и Гэри именами были вытянуты вместе – вот они теперь вместе и жили. Черные кожаные штаны с цепями, выкрашенные хной волосы и широкий ассортимент режу-

щих и колющих инструментов, свисавших с ушей Гэри, извещали мир о том, что он панк – единственный в Св. Матфее и потому являвший собой украшение колледжа, столь же чарующее и пугающее, что и современный Стаффорд-корт на другом берегу реки. Гэри был студентом отделения современных и средневековых языков, но на второй год собирался перебраться на отделение истории искусств; пока же он выражал свою преданность Адриану – подлинную или притворную, тот так и не смог разобраться, – третируя его, как страдающего слабоумием старшего брата, прибывшего с другой планеты. До Кембриджа Гэри не встречал ни одного ученика частной школы и, собственно, даже не верил в их существование. Адриан потрясал его куда сильнее, чем он Адриана.

– И тебе действительно прислуживала шестерка из младших классов и все такое?

– Да. Насколько я знаю, теперь эта традиция отмирает, однако, когда я там учился, каждый обязан был иметь шестерку.

– Черт, поверить не могу! И ты носил канотье?

– Когда требовалось.

– И полосатые брюки?

– В шестом классе.

– Мать-перемать! – Гэри аж скрючило от восторга.

– Я, знаешь ли, не один такой. Здесь десятки выпускников одной лишь моей школы и сотни ребят из Итона, Харроу и Уинчестера.

– Ну да, – сказал Гэри, – но вас же меньше семи процентов населения, так? Люди вроде меня, как правило, с людьми вроде вас не сталкиваются, разве что в коронном суде, когда вы напяливаете парики.

– У нас на дворе девятьсот семьдесят девятый, Гэри, люди вроде тебя формируют кабинет Тэтчер.

Адриан рассказал ему о школьной жизни, о журнале, о смерти Свинки Троттера. Даже про Картрайта рассказал.

Гэри немедля изобразил Адриана, каким он его себе представлял – прогуливающимся в блейзере и белых крикетных штанах перед готическим дверным проемом, за которым перепархивали, точно вороны, учителя в академических шапочках и мантиях. Адриан же не сходя с места купил рисунок за десять фунтов. С тех пор он оплачивал марихуану и водку Гэри, приобретая по меньшей мере три произведения искусства в неделю. Правда, теперь Адриан думал, что вряд ли сможет вынести еще хотя бы один свой портрет – любого размера и ракурса, – о чем и сообщил Гэри.

– Ладно, – сказал Гэри, – в таком случае тебе придется подождать до конца года, тогда я все и верну.

– Да уж конечно, придется, – сказал Адриан. – Ах, коитус!

– Брось, ты можешь себе это позволить.

– Да я не об этом. О работе.

– О работе? Я думал, у нас тут университет.

– Да, хоть он и быстро обращается в технический колледж, – сказал, падая в кресло, Адриан.

– Значит, Трефузису твое эссе пришлось не по вкусу?

– Да нет, оно ему понравилось, в том-то все и горе, – сказал Адриан. – Эссе было хорошее. Произвело на него сильное впечатление. Но теперь ему угодно, чтобы я сочинил что-нибудь значительное. Что-нибудь потрясающее и оригинальное.

– Оригинальное? По филологии?

– Нет, по любому предмету. Вообще-то я, наверное, должен чувствовать себя польщенным.

Ну вот, если честно, в чем дело? Он же мог сказать Гэри правду, верно? А он соврал, просто по привычке. Что это – гордыня? Страх? Адриан закрыл глаза. Трефузис был прав. Прав и при этом смехотворно заблуждался.

Почему он не ощущает счастья? Дженни любит его. Гэри его любит. Мама шлет ему деньги. Дядя Дэвид шлет ему деньги. Сейчас майский триместр его первого университетского года. Погода прекрасная, экзамены сдавать не нужно. Все сложности позади. Кембридж в его распоряжении. Он уже решил, что останется здесь после выпуска, будет преподавать. Все, что от него требуется, – заучить наизусть побольше хороших эссе и выпаливать их трехчасовыми порциями. Трефузис, слава богу, экзаменов не принимает.

Он повесил Джереми, свой блейзер, на Энтони, вешалку.

– Давай гренки есть, – сказал он. – Хант-Наперсток прислал.

II

– А теперь, джентльмены, – произнес президент Клинтон-Лейси, – мы переходим к вопросу о МНИ и внештатных сотрудниках. Интересно было бы знать...

Гарт Мензис, профессор гражданского права, закашлялся в окружившем его густом облаке дыма, извергаемого трубкой Манро, казначея колледжа.

– Извините, господин президент, – сказал он, – насколько я помню, мы все согласились с тем, что не будем курить на заседаниях совета.

– Что ж, это определено верно. Адмирал Манро, вы не могли бы?..

Манро пристукнул трубкой по столу и смерил Мензиса взглядом, полным крошечной злобы. Мензис улыбнулся и перебросил леденец от одной щеки к другой.

– Благодарю вас, – произнес Клинтон-Лейси. – Итак. МНИ и внештатные сотрудники. Как хорошо известно всем присутствующим, в последнее время...

Манро шумно потянул носом воздух.

– Извините, господин президент, – сказал он. – Только ли я один улавливаю стоящий в этой комнате тошнотворный запах мяты?

– Э-э?..

– Да, действительно, запах крайне неприятный. Интерес-

но было бы знать, откуда он взялся?

Мензис с сердитым видом вынул изо рта леденец и уронил его в пепельницу перед собой. Манро блаженно улыбнулся.

– Благодарю вас, – произнес Клинтон-Лей-си. – Коллеги, перед нами стоит проблема сохранения работы с аспирантами на прежнем уровне. Как вам известно, существует немалое число младших научных исследователей и внештатных сотрудников, пользующихся нашими грантами и пособиями. И вы, разумеется, хорошо осведомлены о том, какие установившиеся в нашей экономической системе ветра дуют в нашу сторону со стороны Вестминстера.

Адмирал Манро демонстративно передвинул пепельницу к середине стола, давая понять, что мятный запах все еще догоняет его.

Алекс Кордер, теолог, сидевший на дальнем от президента конце стола, испустил резкий смешок.

– Варвары, – сказал он. – Все они варвары.

– Правительство, – продолжал Клинтон-Лей-си, – обоснованность доктрин которого мы здесь обсуждать не будем, определенно заняло в отношении университетов позицию, которая не может не внушать нам тревогу.

– Премьер-министр происходит из академической среды, – сообщил Кордер.

Брови Гарта Мензиса поползли вверх.

– Я уверен, никто не стал бы обвинять премьер-министра в наличии у нее научной предубежденности.

– Это почему же? – поинтересовался Манро.

– Ладно, каковы бы ни были ее предположительные пристрастия, – сказал Клинтон-Лейси, – в правительстве утвердилось мнение, что отделения гуманитарных наук с их чрезмерно высоким конкурсом абитуриентов следует, э-э, притормозить, оказав дополнительную поддержку дисциплинам, которые способны более продуктивно... о! Профессор Трефузис!

Трефузис со свисающей с губы сигаретой стоял в дверях, не без некоторой озадаченности озираясь по сторонам – словно был не вполне уверен, что попал в нужную комнату и на нужное заседание. Полный неодобрения взгляд Мензиса, похоже, успокоил его; Трефузис вошел и скользнул в пустое кресло рядом с адмиралом Манро.

– Итак, Дональд, с сожалением должен отметить, что вас опять что-то задержало, – произнес Клинтон-Лейси.

Трефузис молчал.

– Надеюсь, ничего серьезного?

Трефузис приветливо улыбнулся всем присутствующим.

– Надеюсь, ничего серьезного? – повторил президент.

Трефузис, осознав, что к нему обращаются с вопросом, расстегнул куртку, выключил висящий на пояском ремне плеер и снял наушники.

– Простите, магистр, вы что-то сказали?

– Ну хорошо, да... мы обсуждали сокращение средств, выделяемых гуманитарным наукам.

– Гуманитарным наукам?

– Вот именно. Итак...

Мензис закашлялся и пододвинул пепельницу к Трефузису.

– Спасибо, Гарт, – сказал Трефузис, стряхивая с сигареты пепел и снова затягиваясь. – Вы очень любезны.

Президент стойко продолжал:

– В течение по меньшей мере ближайших двух лет мы будем испытывать недостаток в средствах, что не позволит принимать новых младших научных исследователей на отделение гуманитарных наук.

– Ах, как это печально, – произнес Трефузис.

– Вас не тревожит судьба вашего отделения?

– *Моего* отделения? Мое отделение занимается английским языком, магистр.

– Вот и я о том же.

– Какое же отношение имеет английский язык к «гуманитарным наукам», что бы те собою ни представляли? Я занимаюсь наукой точной, филологией. А мои коллеги – другой точной наукой, анализом литературы.

– Что за дребедень, – сказал Мензис.

– Нет, ну зачем же так сразу обзывать мою науку потаскухой, пусть даже и райской? – удивился Трефузис.

– Профессор Трефузис, – сказал Мензис, – здесь происходит протоколируемое заседание взрослых людей. Если вы не в состоянии вести дебаты в рамках приличий, то вам, воз-

можно, лучше удалиться.

– Мой дорогой старина Гарт, – ответил Трефузис. – Я могу лишь сказать, что вы начали первым. Язык – это арсенал, наполненный самым разным оружием; и если вы размахиваете таковым, не проверив, заряжено ли оно, не удивляйтесь, что оружие будет время от времени выпаливать вам в лицо. Слово «дребедень» означает «райская потаскуха» – от нижнегерманского, о чем мне вряд ли стоит вам напоминать, «*drabbe*» плюс «*Eden*», сиречь «Эдем», он же «рай».

Мензис побагровел, однако не промолвил ни слова.

– Ну, что бы оно ни означало, Дональд, – сказал президент, – мы обсуждаем проблему ресурсов. Мы можем по-разному оценивать правильность или неправильность политики правительства, однако финансовая реальность такова, что...

– Реальность, – произнес Трефузис, предлагая сигареты всем сидящим за столом, – состоит, как всем нам известно, в том, что все больше и больше молодых людей просят принять их в *этот* колледж *этого* университета, дабы они могли изучать английский язык и литературу. На каждое место нашего английского отделения претендует куда больше поступающих, чем в любом другом отделении любого другого университета страны. И если применить к нам нормы рыночной экономики, каковые, сколько я понимаю, должны почитаться священными всеми пускающими деньги на ветер простофилями и пустословами, из коих состоит правительство, то, конечно, нам следовало бы выдавать не меньше стипен-

дий, а больше.

– Там считают, Дональд, – сказал президент, – что ваши выпускники не обладают компетентностью и эрудицией, которые способны принести пользу стране. Результаты исследований в ботанике или генетике – или даже в моей сфере, в экономике, – представляют для мира ощутимую ценность...

– Слушайте, слушайте, – сказал Мензис.

– Тоже та еще дребедень, – объявил Манро, принимая от Трефузиса коробок спичек.

– Между тем на вас и ваших коллег, – продолжал, проигнорировав обоих, президент, – взирают как на все более и более нестерпимое бремя налогоплательщика. Вы не можете открыть ничего интересного, не можете предложить вашим аспирантам что-либо, способное сделать их полезными для промышленности или рентабельного хозяйства. Вы знаете, это не *мои* воззрения. Соответствующие аргументы и контраргументы уже множество раз перебирались за этим столом, и я не призываю вас вновь заниматься ими. Я могу только сказать, что денег в этом году не будет.

– Ну что же, – сказал Трефузис, – это заставило бы сэра Кита Джозефа³³ и его друзей содрогнуться от ужаса, не так ли? Нет-нет. Пришла пора действовать. С одобрения коллег, я мог бы натаскать отборную компанию первоклассных аспирантов и еще до июня попасть в Уайтхолл.

³³ Кит Джозеф (1918–1994) – идеолог монетаризма, ставшего основой политики, проводимой кабинетом Маргарет Тэтчер.

– Подобная поза озлобленного воинствующего художника представляется мне неуместной и старомодной, – сказал Мензис. – Общество больше не может позволить себе содержать всех этих шутов, обществу надоело, что его лупят по голове пустыми, добытыми из свиней мочевыми пузырями. Мир устал от избытка занимающихся ерундой гуманитариев, от их высокомерия и бесполезности в реальной жизни. Пора вам порастрясти жирок.

– Вы правы, конечно, – согласился Трефузис. – Теперь мне это ясно. Мы нуждаемся в юристах. В одной волне юристов за другой.

– Ну разумеется, очень легко смеяться над...

– Над некоторыми вещами смеяться, безусловно, очень легко, – признал Трефузис. – Странно только, что я всегда находил затруднительным насмешки над чем-либо, обладающим ценностью. Другое дело разного рода мишура и бессмыслица – хотя, возможно, я только один такой и есть.

III

– Так что сама понимаешь, моя медовая обжималочка, – произнес Адриан, – придется углубиться в какие-нибудь дурацкие исследования, иначе меня выведут отсюда за мое божественного абриса ухо.

– Что же, и тебе немного потрудиться будет не вредно, – ответила Дженни и укусила его за сосок.

– Какие жуткие вещи ты говоришь. А сейчас спустись немного пониже и поработай губами – теперь моя очередь кончать, да и в университетскую библиотеку пора. Дженни села.

– Вот хорошо, что напомнил, – сказала она. – Мы с Мэри разослали письма всем старшим тьюторам Кембриджа.

– Боже милостивый, – откликнулся Адриан и вновь притянул ее голову к своему животу, – сейчас не время судачить о ваших девичьих влюбленностях.

– Нет, подожди, – выпрямилась Дженни. – Это насчет порнографии.

– Насчет чего?

– Ты же знаешь, я хожу на лекции Тима Андерсона, «Деррида и несходство полов».

– Послушай, если у тебя занят рот, так потрудись хотя бы руками. Под кроватью есть немного масла для новорожденных.

– Так вот, на прошлой неделе он показывал нам образчики порнографии. Их были целые коробки. И все из университетской библиотеки. У них же право обязательного экземпляра, понимаешь, так что они получают по экземпляру любого издания. Каждого, какое выходит в свет.

– Постой, ты хочешь сказать... каждого-каждого?

– Каждого-каждого. Там столетия порнухи, вплоть до сегодняшнего дня. Подвалы библиотеки забиты тоннами самых унижительных и мерзких материалов. Картинки с ампутантами, детьми, всякими приспособлениями – там есть вещи, каких ты и вообразить-то не сможешь.

– Ты еще не знаешь, на что способно мое воображение.

– Я сходила в библиотеку, просмотрела кое-что. Все, что мне для этого потребовалось, – подпись Элен Гринман. Я сказала ей, что это связано с лекциями Тима Андерсона. Так вот, я считаю, таким материалам в Кембридже не место. Никаких научных оправданий они не имеют. Они унижительны для женщин, их следует сжечь.

– И унижительны также, несколько этому не удивлюсь, для животных, детей и всяких приспособлений.

– Адриан, это не шутки. Я считаю, что УБ, храня подобную дрянь, тем самым облагораживает ее. Поэтому мы с Мэри стараемся добиться ее устранения.

– Что ты, собственно, видела, если точно?

– Ну, тебя приводят в отдельную комнату...

– Расскажи поподробнее... и про левую руку не забывай.

Вот так. Чуть быстрее. Да! Что да, то да! Итак, что же ты видела?

– Ну, там была одна картинка, на которой женщина берет пирог со свининой...

IV

– Диспозиция такова, Гэри, – сказал Адриан, вернувшись из Ньюнема в Св. Матфея. – Все там, весь *index exurgatorius*,³⁴ только и ожидающий человека, который примется пускать над ним слюни. А вот это – *все*, что требуется библиотекарю, дабы тебя к нему подпустить.

Он вручил Гэри листочек бумаги, на котором значилось: «Разрешаю Дженнифер де Вулф, студентке нашего колледжа, доступ к следующим специальным материалам...»

Далее следовал перечень названий книг и журналов, под коим стояла подпись: «Элен Гринман, старший тьютор, Ньюнем-колледж».

У Гэри отвисла челюсть.

– «Эльза и бык», «Молодые монашки», «Утехи в концлагере»... Ты шутишь... «Моя пылкая дочурка», «Висельник», «Молодая и красивая», «Тина-Тампон», «Первый перепих педрил», «Фантазии с клейкой лентой». *С клейкой лентой?* Иисус обескровленный!

Адриан рылся в ящике письменного стола.

– Думаю, ты согласишься, мимо такого пройти трудно. Да где же оно... ага. – Он выудил из ящика исписанный листок. – Так вот, Гэри, мой старый друг-приятель, старый ты

³⁴ Список книг, запрещенных католической церковью до их переработки (*лат.*).

пачкун. Хочешь скостить со своего долга... пятьдесят фунтов? Разумеется, хочешь. Мне нужно, чтобы ты изучил это письмо, уделив особое внимание подписи.

Гэри взял листок.

«Дорогой мистер Хили, доктор Питтауэй сообщил мне, что Вы нуждаетесь в совете относительно выпускных экзаменов по английскому языку со специализацией по филологии. Я не забыл, каким прекрасным арбитром Вы показали себя при нашей встрече прошлым летом в Чартхэм-Парке, и запомнил Вас как многообещающего, сметливого и способного молодого человека. А потому буду рад предложить вам любую помощь, какая окажется мне по силам. Мой адрес: Двор Боярышника, А3. Буду ждать Вас 4-го, в среду, в десять утра, – если только Вы не назначите другой срок. И пожалуйста, не забудьте прихватить с собой Ваши умственные способности».

– Ну и что? – спросил Гэри.

– С подделкой моей подписи, изысканной и элегантной, ты справляешься. Надеюсь, эти каракули не лежат за пределами твоих возможностей?

– Ты грязный развратник.

– Совершенно верно.

V

Адриан шел через Клэр-колледж к университетской библиотеке. Нелепость этого здания, ракетой взмывавшего впереди, всегда раздражала его. Здесь не было женственной округлой грации Бодлианской библиотеки Оксфорда или библиотеки Британского музея, ни о какой красоте тут не могло идти и речи. Здание устремлялось вверх, точно раздувшийся фаллос, норовящий проткнуть облака. Примерно тот же принцип, полагал Адриан, что и в готических шпилях. Однако единение библиотеки и небес дало бы слишком уж мирской образчик того, как слово становится плотью.³⁵

Войдя в библиотеку, он направился напрямик в зал каталогов. Покопался в картотеке, выписывая особо обнадеживающие названия. Вокруг сновали с книгами под мышками аспиранты и отчаявшиеся студенты третьего курса – серые физиономии, личные бездны эрудиции в глазах. Он заметил Джермейн Грир³⁶ в обнимку со стопкой сильно потрепанных книг и Стивена Хокинга,³⁷ лукасианского профессора математики,³⁸ выезжающего в инвалидном кресле с моторчиком

³⁵ Евангелие от Иоанна (1:14).

³⁶ Джермейн Грир (р. 1939) – английская писательница-феминистка.

³⁷ Стивен Хокинг (р. 1942) – английский физик-космолог.

³⁸ Пост профессора математики, учрежденный в Кембридже в 1663 г. на средства, завещанные членом университета Генри Лукасом. В XVII в. этот пост в те-

в соседний зал.

«Здесь ли мое место? – думал Адриан. – Столько трудов. Столько пота. Ни коротких путей, ни жульничества, ни списывания, ни мухлежа? Конечно, здесь. Любой физик трудится ничуть не больше моего. Он просто сдувает идеи Господа Бога. Да еще и неверно их понимая, как правило».

Гэри смотрел, как Трефузис – с кейсом в руке и летящим следом облаком табачного дыма – покидает свою квартиру. Обождав минут пять, Гэри перешел Мост Сонетов и поднялся на второй этаж.

Защелка дубовой двери податливо уступила нажиму Адриановой «Баркликард» – как и предрек Адриан. Гэри включил свет и оглядел раскинувшийся перед ним книжный Манхэттен.

Должен быть где-то здесь, сказал себе Гэри. Придется подождать, пока он сам себя не обнаружит.

Адриан подошел к служебной стойке читального зала и встал, ожидая, когда на него обратят внимание. Очень ему хотелось хлопнуть по стойке ладонью и крикнуть: «Продавец!» Однако он ограничился вежливым покашливанием.

– Сэр?

При общении с Адрианом библиотекари неизменно демонстрировали апатию и пренебрежительность, едва-едва не

переходившие в откровенную грубость. Иногда он, просто развлечения ради, просил кого-нибудь из них принести книгу, написанную, скажем, на редком диалекте индейцев виннебаго, и получал ее от библиотекаря, морщившего нос с таким выражением надменного превосходства, точно сам он прочитал ее бог весть сколько лет назад и давно уже миновал стадию, на которой младенческая белиберда подобного рода еще могла представлять *для него* хотя бы отдаленный интерес. Трудно сказать, видели они, неким непостижимым образом, Адриана насквозь или питали презрение ко всем первокурсникам без разбору. Та библиотекаря особь, что приближалась к нему сейчас, выглядела неприязненной и необщительной сверх обычного. Адриан одарил ее дружеской улыбкой.

– Прошу вас, – звенящим голосом произнес он, – я хотел бы получить «Клевою пару буферов», «Мясистые жопки в ямочках» и «Давина шалит с ослом», если она уже не на руках... ах да, и еще, я думаю, «Минет в инвалидной коляске»... Библиотекарь сдвинул очки вверх по носу.

– Как?

– А кроме того, «Малыши и малышки в скаутском лагере», «Фидо заглатывает», «Пей мои писи, сучка» и «Хористки встают в очередь». По-моему, все. Хотя нет, еще «Дневник Марианны». Это викторианское издание. Вот мое разрешение.

И Адриан помахал листком бумаги.

Читая написанное на нем, библиотекарь то и дело сглатывал.

Ай-ай-ай, подумал Адриан. Проявление Озабоченности и Замешательства. Нарушение Правила Номер Один Гильдии Библиотекарей. Если он и впредь будет так неосмотрителен, его с позором вышибут отсюда.

– Простите, а чья это подпись?

– А, это Дональда Трефузиса, – сказал Адриан. – Моего старшего тьютора.

– Одну минутку.

Библиотекарь прошел в дальний конец зала и показал там листок какому-то пожилому джентльмену.

Да уж, сродни попытке обналичить чек на крупную сумму – такие же совещания шепотком и взгляды украдкой. Адриан отвернулся и неторопливо обзрел читальный зал. Десятки лиц мигом уткнулись в книги. Десятки других продолжали тарачиться на него. Этим он благосклонно улыбнулся.

– Простите, мистер... мистер Хили, не так ли?

К стойке приблизился пожилой библиотекарь.

– Да?

– Могу я спросить вас, ради какой цели вы желаете увидеть эти... э-э... издания?

– Ради исследовательской. Я пишу диссертацию «О проявлениях эротических отклонений в...»

– Понятно. Это *похоже* на подпись профессора Трефузиса. Однако, думаю, мне стоит позвонить ему, если вы не про-

тив. Для верности.

Адриан небрежно взмахнул рукой:

– О, вряд ли стоит тревожить его из-за таких пустяков, вам не кажется?

– Студентам младшего курса подобных разрешений, как правило, не выдают, мистер Хили.

– Адриан.

– Мне так будет спокойнее.

Адриан переглотнул.

– Ну разумеется, если это представляется вам необходимым. Хотите, могу дать его домашний номер. Это будет...

Библиотекарь учуял запах победы.

– Нет-нет, сэр. Мы и сами его найдем, не сомневаюсь.

Гэри удалось-таки отыскать телефон – под оттоманкой. Трубка он снял после пятого звонка.

– Да? – отдуваясь, произнес Гэри. – Трефузис слушает. Посрать толком не дадут, в чем дело?.. Кого?.. Да говорите же... Хили?.. «Проявление эротических отклонений...»? Да, а что такое?.. Конечно, это моя подпись... Понятно. Знаете, надо все-таки немножко доверять людям. Вы руководите библиотекой, а не оружейным складом, вся эта бюрократия просто... Не сомневаюсь, однако то же самое говорили охранники Бухенвальда... Очень хорошо, очень хорошо. Не обращайтесь внимания, у меня нынче с утра дурное настроение... Ладно. Всего хорошего.

– Вроде бы все в порядке, мистер Хили. Вы же понимаете, мы обязаны были проверить.

– Конечно, конечно. Библиотекарь гулко проглотил слюну.

– Нам потребуется некоторое время, сэр, чтобы... э-э... установить местонахождение этих изданий. Вы не могли бы подойти через полчаса? Мы отведем вам отдельный кабинет.

– Благодарю вас, – сказал Адриан. – Вы очень добры.

Пружинистой походкой он направился по коридору в библиотечное кафе.

«Я могу облапошить любого, – думал он, – и в любое время».

Какой-то человек миновал его.

– Доброе утро, мистер Хили.

– Доброе утро, профессор Трефузис, – ответил Адриан.

Трефузис! Адриан замер на месте. Идет в читальный зал! Даже Трефузису не по силам ответить на звонок в Св. Матфей, находясь в это время в УБ.

Он попытался окликнуть профессора, но сумел выдать из себя лишь хриплый шепот:

– Профессор!.. Профессор!

Трефузис уже достиг двери читального зала. И удивленно обернулся:

– Да?

Адриан рысью устремился к нему.

– Прежде чем вы войдете, сэр, можно вас на два слова?

– Разумеется. А в чем дело?

– Могу я пригласить вас в кафе и угостить булочкой?

– Что?

– Ну, я подумал... вы собираетесь взять там какую-то книгу или просто поработать?

– Вообще-то просто поработать.

– О, я бы на вашем месте туда не заходил. Трефузис улыбнулся:

– Вы уже попробовали поработать и нашли это занятие непосильным? Боюсь, в моем случае иного выбора нет. В конце концов, должен же кто-то писать статьи, которые будут сдувать будущие первокурсники.

Он положил ладонь на дверную ручку. Адриан с великим трудом удержался от того, чтобы схватить профессора за рукав.

– Там все забито. Ни одного свободного стола. Потому я вас и остановил. Надеюсь, что вы скажете мне, где еще можно найти местечко для работы.

– Ну, насколько я знаю, в читальне на десятом этаже вам обычно никто не мешает. Загляните туда. Однако должен сказать, что работа в одной комнате с вами представляется мне несколько затруднительной. Пожалуй, я все же зайду и посмотрю, не найдется ли здесь свободного отдельного кабинета.

И он потянул дверь на себя. Адриан только что не завизжал.

– Да нет, сэр, все в порядке! Вы можете пойти на десятый. Я вот сию минуту вспомнил, что мне необходимо уйти. У меня... это... встреча назначена.

Трефузис в веселом недоумении отступил от двери.

– Прекрасно. Знаете, я с великим нетерпением ожидаю возможности увидеть созданный вами шедевр. Многие полагают, что наш предмет – это так, витание в облаках, сладкие речи, пустой галдеж, а говоря совсем уж просто, пердеж. Но, как вы уже, без сомнения, обнаружили, это терпение и труд, от «Беовульфа»³⁹ до Блумсбери.⁴⁰ Терпение, терпение и терпение. Труд, труд и труд. Мне нравятся ваши «Кикерсы». Всего доброго.

Адриан взглянул себе на ноги. Действительно неплохи.

– Спасибо, профессор. Ваши тоже полный блеск. С бездыханным облегчением он смотрел, как Трефузис сворачивает за угол коридора, к лифтам.

Вернувшись к себе в Св. Матфей, Адриан обнаружил, что Гэри сдвинул всю мебель к стенам и разостлал по полу огромный лист бумаги, на котором уже и рисовал что-то углем.

– Ну, как все прошло?

³⁹ Англосаксонская героическая поэма VIII в.

⁴⁰ Подразумевается Блумсберийская группа – объединение творческой интеллигенции, с 20-х годов до начала Второй мировой войны, жившей и работавшей в лондонском районе Блумсбери; в эту группу входили многие видные писатели, философы и экономисты.

– Сказочно. Легче легкого. Ты не забыл сунуть в рот носовой платок?

– Вот еще! Уж на что голос Трефузиса совсем не похож, так это на голос человека с носовым платком во рту. Я просто взял двумя октавами выше и притворился разозленным.

Некоторое время Адриан наблюдал за манипуляциями Гэри.

– Ладно. Второй вопрос. Что это ты делаешь в моей комнате?

– В нашей комнате.

– В нашей комнате, которую я обставил и оплатил.

– Это картон.

– Картон?

– В изначальном смысле слова.

– А, так, значит, изначальный смысл слова «картон» – это «паршивая пачкотня»?

– Изначальный смысл слова «картон» – это «бумажный лист, на который наносят рисунок фрески».

Адриан прошел по замусоренному полу и налил себе стакан вина из стоявшей на каминной полке полупустой бутылки. Полупустой бутылки лучшего, какое можно добыть в колледже, белого бургундского, отметил он про себя.

– Фрески?

– Ага. Когда закончу, то просто повешу лист на стену, сделаю по линиям проколы, перенесу рисунок на влажную штукатурку и начну как можно скорее...

– И где будет находиться влажная штукатурка?

Гэри ткнул пальцем в пустой участок стены.

– Думаю, здесь. Отдерем старую, наложим на драпку новую, и дело в шляпе.

– Ничего себе в шляпе. Очень нужна мне такая шляпа. Если эта твоя шляпа подразумевает уничтожение пятисотлетней...

– На самом деле – шестисот. Я собираюсь изобразить Британию семидесятых. Тэтчер, Фут,⁴¹ марши Движения за ядерное разоружение, безработица. В общем, все. А как напишу, закроем ее деревянными панелями. Правда, на них придется потратиться. Панели надо будет на петли посадить, понимаешь? Через сотню лет этой комнате цены не будет.

– Ей и без того уже нет цены. Может, оставим ее в покое? В ней пил чай Генри Джеймс. Вот в этой самой спальне Ишервуд⁴² предавался любви с исследователем хоровой музыки. Марло⁴³ танцевал с Кидом⁴⁴ гальярду на ее половицах.

– И Адриан Хили заказал в ней Гэри Коллинзу его первую фреску.

– А что скажет наша горничная?

– Она лишь воспрянет духом. Все интереснее, чем соби-

⁴¹ Майкл Фут (р. 1913) – английский политик, лидер партии лейбористов.

⁴² Кристофер Ишервуд (1904–1986) – английский писатель, на произведениях которого основан, в частности, мюзикл «Кабаре».

⁴³ Кристофер Марло (1564–1593) – английский драматург.

⁴⁴ Томас Кид (1558–1594) – английский драматург.

рать загаженные трусы этого экономиста напротив.

– Пошел ты на хрен, Гэри. Почему при разговоре с тобой я всегда ощущаю себя зажиточным ханжой?

– Фигню несешь.

Адриан оглядел комнату, пытаясь справиться с охватившей его буржуазной паникой.

– Значит, говоришь, панели на петлях?

– Они не так уж и дороги, если тебя именно это тревожит. Я потолковал с одним малым, который работает на строительной площадке Робинсон-колледжа. Он говорит, что сотен за пять добудет нам отличное дерево, а со штукатуркой и переделками вообще задаром поможет, если я дам ему себя отодрать.

– Не совсем в духе великой традиции, а? Я к тому, что папа Юлий и Микеланджело вряд ли заключали схожее соглашение по поводу Сикстинской капеллы. Если, конечно, я не сильно ошибаюсь.

– Я бы на твоём месте об заклад биться не стал. В конце концов, кто-то меня драть должен, ведь так? – Гэри ткнул в Адриана пальцем. – Ты не желаешь, вот и приходится подыскивать других. По-моему, разумно.

– Внезапно вся твоя логика стала для меня кристально ясной. Но как же работа? Не забывай, я должен основательно поработать в этом триместре.

Гэри встал на ноги и потянулся.

– Пошла она в жопу, вот что я скажу. Ну, так что там твоя

порнуха?

– Невероятно. Ты в жизни ничего подобного не видел.

– Что, пакостные картинки?

– Не думаю, что смогу когда-нибудь снова взглянуть в глаза лаборатору. Однако, насколько бы все это ни сокрушило мою веру в человечество, должен сказать, что мы, люди двадцатого века, выйдем по сравнению с викторианцами образчиками нормальности.

– Ты это насчет викторианского порно?

– Именно.

– Так чего они делали-то? Я часто об этом задумывался. Были у них такие же концы и пипки и прочее?

– Конечно были, глупое ты дитя. И крайне пикантные издания свидетельствуют, что у них много чего еще было. К примеру...

Адриан вдруг замолк. Его осенила идея. Он взглянул на картон Гэри.

– Почему бы и нет?

Бессмысленно, бесчестно, бесстыдно, но вполне осуществимо. Придется, конечно, потрудиться, и потрудиться весьма основательно, однако это будет труд правильного сорта. Почему ж не попробовать?

– Гэри, – сказал он. – Я сию минуту понял, что стою на перекрестье жизненных дорог. Одна ведет к безумию и наслаждению, другая – к душевному здравью и успеху. Какую мне избрать?

– Тут уж ты сам решай, приятель.

– Позволь мне изложить это так. Хочешь, чтобы я скостил тебе весь твой долг и выдал еще пять сотен на деревянные панели? У меня есть для тебя работа.

– Идет.

– Вот и умница.

Трефузис подошел к стойке читального зала. Молодой библиотекарь с удивлением воззрился на него.

– Профессор Трефузис?

– С добрым утром! Как вы себя нынче чувствуете?

– Очень хорошо, спасибо, сэр.

– Вы не могли бы мне помочь?

– Я для того здесь и сижу, профессор.

Трефузис склонился к библиотекарю и постарался заговорщицки понизить голос – задача для него непростая. Умение говорить приглушенным тоном среди множества его дарований никогда не числилось.

– Уважьте каприз человека, который состарился и помещался раньше положенного, – произнес он голосом, достаточно тихим для того, чтобы каждое слово было услышано всего только в первых двенадцати рядах стоящих за его спиной столов, – и скажите, существовала ль причина, по которой я не мог прийти сюда час назад?

– Прошу прощения?

– Почему я не мог появиться здесь час назад? Что здесь

происходило?

Библиотекарь вытаращил глаза. Человек, обслуживающий ученых мужей, поневоле привыкает к разного рода умственным расстройством и поведенческим отклонениям. Однако Трефузис всегда казался библиотекарю приятно и живительно лишенным каких бы то ни было нервических недочетов. Хотя, с другой стороны, старые профессора, как принято говорить, не теряют мест, – они теряют представление о месте, в котором пребывают.

– Ну, если не считать того обстоятельства, что час назад вы просто физически не могли находиться здесь... – начал библиотекарь.

– Не мог?

– Ну да, вы же были в Святом Матфее, разговаривали по телефону с мистером Лейландом.

– Я разговаривал по телефону с мистером Лейландом? – переспросил Трефузис. – Ну конечно! Господи, да что же у меня с памятью?.. Стало быть, Лейланд звонил мне, так? По телефону, ну да, разумеется. Все верно. Вот теперь я все отчетливо вспомнил, потому что как раз по телефону с ним и говорил. Он позвонил мне, по телефону, и спросил насчет... насчет... О чем он меня спросил?

– Он хотел проверить, давали вы вашему студенту разрешение на то, чтобы тот читал эти... эти издания с ограниченным доступом.

– То есть мистеру Хили, верно?

– Да. Все правильно, не так ли? Значит, вы подтверждаете...

– О да. Конечно, все правильно, конечно. Я просто... Побалуйте меня еще разок, милый юноша, и позвольте взглянуть на названия книг, с которыми пожелал ознакомиться мистер Хили.

– Разорвите меня на куски, сэр! – сказал мистер Полтернек. – Разорвите, коли маленькие резвунчики, отвечающие особливym вашим наклонностям, не дремлют сейчас, свернувшись в невинный клубочек, в одной из задних комнат этого дома. Вы можете прогнать меня пинками отсюда и до Чипсайда, если это не истиннейшая из истин, какую когда-либо изрекал человек. Миссис Полтернек подтвердит вам это, мой дядюшка Полтернек подтвердит, и любой знающий меня человек никогда не скажет противного, даже если вы бросите его в кипяток, или ввергнете в печь огненную, или вздернете на дыбе, дабы установить истинное его мнение.

– И я могу верить в добросовестность вашу по этой части? – спросил Питер.

– Бог ты мой, мистер Флауэрбак. Я просто расплачусь, ежели вы усомнитесь в ней! Моя добросовестность по этой части есть подлинный факт, на который вы можете полностью положиться. Добросовестность – мой стяг, мистер Флауэрбак. Твердыня, сэр, мой монумент. Моя добросовестность есть не нечто эфирное, мистер Флауэрбак, она осяза-

ема и зрима, и, если это не так, секите меня розгами, пока не выступит кровь.

– В таком случае, мы можем, я полагаю, перейти к делу?

– Ну что же, сэр, – произнес мистер Полтернек, извлекая из кармана нелепейший из когда-либо существовавших пунцового шелка носовой платок и промокая им лоб. – Он резвунчик весьма особенный, наш Джо Коттон. Весьма и до крайности. Даже джентльмену, подобному вам, хорошо разбирающемуся, как я вижу, в юных шалунах, такого видеть еще не приходилось. Я мог бы сонетировать сонеты, мистер Флауэрбак, о золоте его локонов и незапятнанной гладкости юной кожи. Я мог бы сблладировать вам баллады, сэр, о светлой округлости его крупа и райском саде, который поджидает вас внутри оного. Я содержу конюшню юных жеребчиков, сэр, равной коей, скажу вам с уверенностью, не отыщется ни в одном уголке Сити и уж тем более за пределами его, и юный Коттон, сэр, есть мой призовой жеребец. Если таковой рекомендации вам не достаточно, сэр, можете сию же минуту повесить меня за шею прямо на притолоке двери старого дядюшки Полтернека, прикончить меня, сэр, как лживого плута.

С трудом удержался Питер от того, чтобы не поймать Полтернека на слове. Боязнь смрадных газов, кои могли бы истечь из легких подобного существа, когда бы он поступил с ним именно так, и грязи, каковая запятнала б его, прикоснись он к подобной твари, умерила мстительный гнев Пите-

ра, – как равно и мысль о том, что ему надлежит хладнокровно довести это дело до конца.

– Полагаю, вы ничего не способны поведать мне о происхождении его? – бесстрастно осведомился Питер.

– Касательно его происхождения, сэр, тут я держусь мнения – и миссис Полтернек разделяет его, да и дядюшка Полтернек навряд ли думает иначе, – что он послан нам Небесами, сэр. Послан с Небес, чтобы напитать хлебом насущным меня и родню мою и дать наслаждение и великое благо таким джентльменам, как вы, сэр. Таково мое мнение о его происхождении, и не родился еще человек, который сумел бы меня разуверить. Настолько красивого паренька вам, сэр, видеть еще не доводилось. А сколь он уступчив, сколь сноровист в Искусстве, коему призван служить! Видели б вы его в деле, сэр, – это попросту чудо. Говорят, вместе с ним Небеса послали нам и его юную сестру.

– Девочку? Не были ль они близнецами?

– Ну-с, раз уж мы заговорили об этом, сэр, мне приходилось слышать упоминания о том, что девочка походила на него как две капли воды! Золотистая красавица с таким же цветом лица, истинная находка для тех, кто тяготеет к подобным качествам нежного пола. Где она может сейчас обретаться, я не ведаю, да и не интересуюсь проведать. Мое дело – юные петушки, сэр, возиться с курочками – занятие для мирного джентльмена вроде меня чрезмерно затейливое. Разорвите меня на куски, если они не плодят все новых

курочек, еще не успев оправдать потраченных на них денег, а как, – прохрипел мистер Полтернек, – может деловой человек достичь процветания своего домашнего очага, если товар его только и знает, что плодиться и размножаться?

– Стало быть, местонахождение сестры Джо вам неизвестно?

– Что до местонахождения, сэр, местонахождение – это отнюдь не то же, что происхождение. Местонахождение есть вещь загадочная, я же, спросите хоть миссис Полтернек или дядюшку Полтернека, имею дело с вещами определенными. Местонахождение мисс Юдифь сомнительно, местонахождение же юного Джо – это задняя комната моего дома. Если вам требуется хорошенькая юная леди...

– Нет-нет. Меня устроит и юный Джо.

– Вот именно, сэр, надеюсь, он вас очень *устроит*.

– И какова же цена?

– Ах, мистер Флауэрбак, – произнес, потрясая сальным перстом, Полтернек. – После того как мы с вами сошлись на божественном происхождении этого шалуна, могу ли я правильно обозначить Вознаграждение за него? Когда бы он принадлежал только мне, я попросил бы всего лишь крону, и миссис Полтернек с дядюшкой Полтернеком воскликнули бы, что я сам себя обираю, я же, в печали покачав головой, поднял бы цену еще на крону, дабы их удовлетворить! Я был бы рад попросить эту цену, хоть миссис П. и дядюшка П. и продолжали бы твердить, будто я обираю себя. Я рожден челове-

ком щедрым, поделаться с этим ничего не могу и просить за это прощения ни у кого не намерен. Но как бы я ни обирал себя, мистер Флауэрбак, обирать Небеса я не вправе! Это было бы дурно, сэр. Я готов лишиться всего, лишь бы порадовать джентльмена подобного вам, ибо мои покупатели – все для меня, но грабить ангелов, мистер Флауэрбак, я не могу. Я лишен необходимых для этого качеств. Один совершен за вечер и еще шесть на следующее утро.

Питер в который уж раз одолел искушение положить конец гнуснейшей жизни в гнуснейшей дыре гнуснейшего квартала гнуснейшего в сем гнусном мире города. Он лишь вложил монету в руку Полтернека.

– Приведите мальчика! – прошептал он. Полтернек хлопнул в ладоши:

– Флинтер!

В мгlistом дальнем углу комнаты поднялась с соломенного тюфяка смутная фигура. То был мальчик на вид не старше четырнадцати лет, хотя в городе, где и у шестилетних детей встречаются глаза и походка старцев и не меньший, чем у оных, жизненный опыт, где грязь и голод так задерживают рост двадцатилетних юношей, что те сохраняют внешность хрупких детишек, истинный возраст кого бы то ни было Питер назвать не взялся бы. Да возраст Питера и не заботил, глаза его были прикованы к лицу поднявшегося. Или, вернее, к месту, где полагалось бы по праву находиться лицу. Ибо взгляд Питера приковало отнюдь не лицо. На лице, да-

мы и господа и досточтимые джентльмены, обычно размещаются глаза, не правда ли? Лицу надлежит обладать ушами и ртом, некой совокупностью органов, позволяющих обонять, и видеть, и слышать, и чувствовать вкус, – только тогда ему и можно присвоить звание лица. То же, что обоняет оно низменный смрад, видит глубочайший позор, слышит самые мерзкие богохульства и вкушает не что иное, как горчайшие горести, – лица, как такового, отнюдь не касается! Лицо предоставляет органы, кои занимают отведенные им места, а уж органы эти пусть себе видят и слышат что им заблагорассудится. А потому, заслуживает ли такового названия личина – о господа мои, глядящие на золотые блюда, дамы, обоняющие тонкие ароматы, друзья, вкушающие упитанного барашка и внимающие сладкой гармонии любящих голосов, – заслуживает ли такового названия лицо, лишенное носа? Какое слово должно придумать для обозначения физиономии, на которой от носа почти ничего уже и не осталось? Физиономии с дыркой посередине – там, где надлежит возвышаться носу, будь он приплюснутым или долгим, распухшим или схожим с картофельным клубнем, римским или отвислым, каким угодно, но носом, простецким либо прекрасным, – физиономии, говорю я, с черным запустением там, где следует помещаться, дабы на них можно было взирать с обожанием либо отвращением, ноздрям и хребтику, – ибо иначе это уже и не лицо, но лик Позора, не образ, но образина Отсутствия. Личина Похоти и Греха, обличие Нужды

и Отчаяния, но – молю вас поверить мне – не, и сотню раз не лицо человеческого дитяти.

– Флинтер! Приведи джентльмену юного Джо. И, Флинтер! даже не думай прикоснуться к нему, или, разорвите меня на куски, ты вдруг обнаружишь, что на твоей роже недостает и пары ушей!

Полтернек повернулся к Питеру с покорной улыбкой, как бы желая сказать: «Да благословит Господь мои ягодицы, разве я не расточаю своим малышам больше забот, чем они заслуживают!» Должно быть, он заметил отвращение и ужас, исказившие лицо Питера, поскольку поспешил прошептать в объяснение:

– Сифилис, мистер Флауэрбак. Сифилис – это в нашем деле истинное проклятье. Он был хорошим работником, наш мистер Флинтер, а мне не хватило духу прогнать его после того, как сифилис лишил его нюхалки.

– Могу себе представить, – произнес Питер, – как...

– Помедленнее, бога ради, – сказал Гэри, – у меня сейчас запястье на хрен переломится.

Расхаживавший по комнате Адриан остановился.

– Прости, – сказал он. – Немного увлекся. Ну, как тебе пока что?

– Насчет «клубня» я не уверен.

– Пожалуй, ты прав. Завтра проверю.

– Два часа ночи уже, да и ручка у меня того и гляди сдохнет. Надо подрыхнуть.

– Главу закончим?

– Утром.

На заправочной станции при автостоянке, расположенной пообок от автобана Штутгарт – Карлсруэ, зализывали раны Твидовая Куртка и Темно-Синяя Рубашка «Маркс и Спенсер».

– Поверить не могу, – говорил Темно-Синяя Рубашка. – Ни с того ни с сего, и, главное, – за что?

– Возможно, они вообразили себя современными грабителями с большой дороги, – предположил Твидовый.

– По мне, этот толстый в костюме «сафари» на Дика Терпина⁴⁵ нисколько не походил.

– Не походил, – согласился Твидовый. Он взглянул на Рубашку, тот отвернулся и пнул ногой пенек.

– И почему я обязательно должен был выбрать самую безлюдную заправку на всем этом поганом автобанае?

– Тут я виноват, Адриан, мне следовало запарковаться ближе к главному зданию. Надеюсь, вы не пострадали?

– Ну, по крайней мере паспорт с бумажником остались при мне. Насколько я могу судить, они вообще ничего не взяли.

– Не совсем.

Твидовый горестно указал на заднее сиденье «вулзли»:

– Должен с прискорбием сообщить, что они унесли мой

⁴⁵ Ричард Терпин (1705–1739) – легендарный английский разбойник.

кейс.

– О. А что там было?

– Кое-какие бумаги.

– Тю. Ну, выходит, легко отделались. Полицию вызывать будем?

Глава третья

I

Трактор толкал перед собой картофелекопалку. Сбоку от нее шла конвейерная лента, переносившая картофелины на вращающуюся решетку. Работа Адриана и Люси состояла в том, чтобы «отсеивать», выбирать подгнившие, зеленые или помятые клубни из тех, что проплывали к Тони, который стоял в конце ленты, укладывая неотбракованную картошку в мешки. Каждые двадцать-тридцать минут они останавливали машину и добавляли очередную дюжину наполненных мешков к груде, подраставшей посреди поля.

Работа была препакостная. Гнилые картофелины не отличались с виду от здоровых, поэтому Люси с Адрианом приходилось брать и осматривать каждую из тех, что, подпрыгивая и приплясывая, плыли по ленте. Плохие лопались при малейшем нажатии, извергая струйки вонючей слизи. Во время дождя с колесиков конвейера летели, оседая на лицах и одежде, брызги грязи; в сухую же пору обоих окружало облако оседающей на волосы пыли. Бесконечный лязг, скрип и скрежет вполне, думал Адриан, могут сойти для саундтрека одного из адских видений Иеронимуса Босха – видения, в котором обреченные грешники стоят, стена и зажимая ру-

ками уши, пока между ними шныряют черти, с ликованием тыча их вилами в укромные места.

Впрочем, обитатели ада могли хотя бы попытаться завести с соседями разговор, как бы ни трудно было им перекрыть скрежет адских колес и рев печей. А Люси с Тони – брат и сестра – ни разу еще не сказали Адриану ни слова, если не считать «Сдобрым», когда он, озябший, появлялся здесь на рассвете, да «Нупока», когда на закате он, негнувшийся, точно статуя, взгромождался на велосипед и уезжал домой, чтобы принять душ и завалиться спать.

Люси просто не отрывала глаз от картошки. Тони просто не отрывал глаз от засыпочной машины. Впрочем, временами Адриан замечал, как они поглядывают друг на друга, и неизменно вспоминал при этом шутовское определение котсуолдской девственницы: невзрачная девица не старше двенадцати лет, способная бегать быстрее родного брата.

Особой красотой Люси похвастаться не могла, а судя по взглядам, думал Адриан, которыми она обменивается с Тони, и спринтерскими качествами тоже.

Само то обстоятельство, что ему придется работать в пасхальные каникулы, стало для Адриана ударом, которого он никак уж не ожидал. Он давно привык к тому, что летом родители велят ему подыскать какую-нибудь работенку; привык обслуживать столики в ресторанчике «Сидр с Розы», сворачивать в рулоны байку на шерстобитной фабрике, жать на педаль станка, складывающего картонные ящики на заво-

де «Ай-си-ай»⁴⁶ в Дарсли, собирать смородину в Ули, кормить диких птиц в Слимбридже.

– Но на Пасху! – уткнувшись носом в мюсли, простонал он в первый день каникул. – Нет, мама, нет!

– Тебе уже пятнадцать, дорогой! Большинство мальчиков твоих лет только радуются любой легкой работе. Отец считает это хорошей идеей.

– Не сомневаюсь, да только работа у меня уже есть. Мое школьное сочинение. – Адриан подразумевал статью для подпольного журнала, которую он обещал написать для Хэрни.

– Папа не хочет, чтобы ты провел все это время, попусту слоняясь по дому.

– Как мило с его стороны. А сам он проводит весь проклятый год в своей паршивой лаборатории.

– Ну, это нечестно, Ади. Ты и сам знаешь.

– До сих пор мне в пасхальные каникулы работать не приходилось.

Мама налила себе четвертую чашку чая.

– Попробуй, дорогой, ради меня, хорошо? И посмотрим, что из этого выйдет.

– Это означает, что сочинение мне придется писать в пасхальный уик-энд, так? И что я должен буду копать в клятой картошке в течение самого главного из священных праздни-

⁴⁶ «Имперский химический трест», основанный в 1926 г., крупнейший в Англии и Западной Европе химический концерн.

ков всего распроклятого христианского календаря?

– Конечно, нет, дорогой. Я уверена, работа у мистера Сатклиффа тебе понравится, он такой милый человек. И папа будет очень доволен.

Мать провела по щеке Адриана тыльной стороной ладони. Однако тот вовсе не собирался смиренно принимать происходящее. Он встал, подошел к раковине и начал ополаскивать свою чашку.

– Не надо, дорогой. Бетси все сделает.

– Знаешь, это попросту нечестно. У нас вон в следующем триместре матчи по крикету. Мне нужно тренироваться.

– Ну, дорогой, я уверена, работая на ферме, ты приобретешь прекрасную форму.

– По-твоему, это то же самое, что тренировки?

– Не скули, Ади. Такие неприятные звуки. И должна тебе сказать, дорогой, что не понимаю, когда это ты успел проникнуться таким рвением к спорту. Мистер Маунтфорд пишет в отчете, что ты за весь прошлый триместр не посетил ни единого матча по регби и ни одного урока физкультуры.

– Крикет – другое дело, – ответил Адриан. – И вообще, вы на большую часть года запикиваете меня в школу, а стоит мне вернуться домой, и вам уже не терпится избавиться от меня. Мне остается только надеяться, что оба вы не удивитесь, если я, когда вы обратитесь в старых вонючек, запру вас в дом для престарелых.

– Дорогой! Не будь таким злым.

– А навещать вас я стану только затем, чтобы задать вам какую-нибудь работенку. Будете у меня гладить рубашки и штопать носки.

– Ади, как ты можешь говорить такие ужасные вещи!

– Вот тогда вы поймете, что чувствует человек, которого отвергает собственная его плоть и кровь! – сказал, вытирая руки, Адриан. – И зря ты хихикаешь, женщина, тут нет ничего смешного!

– Нет, дорогой, разумеется, нет, – сказала, прикрывая ладонью рот, мать Адриана.

– Ладно, сдаюсь, – отозвался он и набросил на голову посудное полотенце. – Сдаюсь к чертям собачьим.

Сказалось ли тут присутствие в нем силы духа или отсутствие таковой, но, как ни погана была работа, рутинность ее настолько завораживала Адриана, что порою часы проходили для него как минуты. Все силы своего ума он направлял на сочинение статьи для журнала. Впрочем, по временам его отвлекали мысли совсем иного рода. Адриан вдруг обнаруживал, что разыгрывает про себя драму, в которой сам он исполняет роль Бога, а картофелины – человеческих существ. Вот эту душу он швыряет во тьму, а эту отправляет в житницы вечные.

– Хорошо, добрый и верный клубень,⁴⁷ отправляйся к вознаграждению твоему.

– Грешник! Распутник. Извергнут будешь, извергнут.

⁴⁷ Евангелие от Матфея (25: 21).

Смотри, сим позорным пятном проклинаю тебя.

Адриан не был уверен, что лучше – оказаться клубнем подгнившим или здоровым, предпочел бы он уютно устроиться в теплом мешке вместе с прочими благочестивыми или быть отброшенным и снова зарытым в землю. Одно он мог сказать твердо: любая из этих частей предпочтительней части Бога.

Особенно интересными были картофелины зеленые. Дональд Сатклифф, фермер, как-то за ланчем объяснил Адриану, что тут к чему.

– Понимаешь, клубни должны созревать под землей. Если они вылезают из почвы и ловят солнечные лучи, в них начинается фотосинтез, возникает хлорофилл, от которого они и зеленеют. Зеленый картофель – это родственник сладко-горького паслена. Не ядовит, но и добра от него ждать не приходится.

Слова, мгновенно внушившие Адриану мысль, что он – зеленая картофелина, а Картрайт – солнце.

«Свет целовал меня и преобразил, – думал он. – Я опасен, и Бог отвергает меня».

В те дни он только этим и занимался. Все, что попадалось ему на глаза, обращалось в символ его существования – от кролика, не способного выбраться из света автомобильных фар, до капель дождя, сбегających по оконному стеклу. Возможно, это был знак того, что ему предстоит стать философом либо поэтом – человеком, который, стоя на морском

берегу, видит перед собою не волны, разбивающиеся о песок, но прилив человеческой воли или ритмы совокупления, слышит не грохот прибоя, но рев разъедающего всё времени и последние стенания человеческой сущности, вспенивающейся, обращаясь в ничто. Не исключено, впрочем, и то, думал Адриан, что он попросту обращается в вычурного дро-чилу.

В последний перед Пасхой рабочий день, в страстной чет-верг, когда они вчетвером грузили в сгущающихся сумер-ках мешки с картошкой в трейлер, Адриан увидел вдруг стаю большущих птиц, черных, точно священники, клюю-щих гнилую картошку на дальнем краю поля.

– Смотрите, какие большие вороны! – воскликнул он.

– Мальчик, – произнес, поднимая мешок, мистер Сат-клифф, – когда ты видишь сбившихся в стаю ворон, будь уверен, это грачи, а не вороны. А когда видишь грача-оди-ночку, так это долбаная ворона и есть.

– О, – сказал Адриан. – Верно. Но предположим, вам на глаза попадетя грач заблудившийся или гуляющий сам по себе. Как вы его назовете?

Мистер Сатклифф захохотал.

– Ну, не знаю, как ты, паренек, а я бы назвал его рвачом.

II

С.-Г. Паслен

**ШКОЛА СКАНДАЛА, или ВОСПИТАНИЕ
АНГЛИЙСКОГО ДЖЕНТЛЬМЕНА**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.